

ЗОЛОТОЙ ТАЛИСМАН

ВОРГ

УСПЕТЬ ДО ПОЛУНОЧИ

ГАЙ ЮЛИЙ ОРЛОВСКИЙ
МАРГО ГЕНЕР

16+

Гай Юлий Орловский
Марго Генер
Ворг. Успеть до полуночи
Серия «Золотой Талисман», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67111572

SelfPub; 2022

Аннотация

Ворги – хищная раса оборотней. Они не подвластны влиянию Луны и живут в чащах Изумрудного леса. Сила, здоровье и хитрость – главные умения ворговского племени. Все обходят стороной этих полуживотных-полулюдей. Особенно опасны ворг-одиночки. Гоблин Курт Зут'Вакар хорошо знал об этом, когда спасал от грабежа случайного попутчика по имени Лотер. Не знал только, что его новоиспеченный приятель – ворг. А когда узнал, за оружие хвататься было уже как-то неудобно. Впрочем, оборотень Лотер, если надо, умеет прикинуться безобидной овечкой...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	27
Глава 3	44
Глава 4	54
Глава 5	64
Глава 6	81
Глава 7	101
Конец ознакомительного фрагмента.	111

Марго Генер, Гай Юлий Орловский

Ворг. Успеть до полуночи

Глава 1

В глотке заклокотало, клыки медленно удлинились, Кожа на губах треснула и соленая струйка потекла в рот. Я покопился на кусок баранины в тарелке и скривился – подмешали. В мясо подмешали.

Я приподнял голову, в глазах задвоилось, а когда оперся подбородком на кулак, бутылки на полках расплылись в бесформенные пятна. Пришлось сконцентрироваться на центральной, чтобы перестали шататься.

Одно из пятен качнулось и исчезло. Через секунду появилось с другой стороны столешницы. Я проморгался. Пятно приобрело четкие границы и превратилось в виночерпия. Радужки мутные, кожа бледная, во рту блестит золотой зуб.

Звериное чутье шевельнулось. Если бы не отравленная баранина, сразу понял бы, что к чему. А так лишь нутром ощущаю – что-то опасное.

Виночерпий на ходу трет деревянный стакан куском льня-

ной тряпки и ухмыляется. Волосы прилипли ко лбу, маленькие глазки смотрят так, словно украл сотню золотых.

Он ехидно оскалился, взгляд хитрый и озабоченный. Я вцепился в столешницу, чтоб не потерять равновесия и медленно повернул голову к огромному зеркалу. В глянцевой поверхности отразилось помятое лицо. Хорошо, что лицо, а не звериная харя.

Я сдул волос со лба и сосредоточил взгляд на себе. Щеки бритые, волосы по плечи сосульками болтаются. Не мыл давно. Глаза, правда, оплывшие, черной радужки не видно. Но это все от баранины, чтоб ее. К утру пройдет, если не помру.

Хотел похлопать по карманам, чтобы проверить, на месте ли золотые, но все же не удержался и рухнул на пол.

Из глотки вырвался рык, клыки вытянулись еще на пол ногтя, но усилием воли заставил их стать человеческими.

Минуту пытался подняться, получилось только развернуть голову и упереться носом в доски.

Сквозь пелену свечи на стенах кажутся матовыми. Толстые. Такие ставят с расчетом на долгое время работы, но они все равно выгорают за неделю. Таверна работает круглые сутки и никому не приходит в голову гасить их днем.

Время от времени в пламя попадает пыль и брызги хлебного напитка. Это рядом коренастый гном стучит кружкой о стол и что-то яростно доказывает другому гному в рогатом шлеме.

Я захрипел и уперся ладонью в пол. Хотел подняться, но

не вышло – руки ватные, в глазах плывет. Скверное место, воняет, и виночерпий все еще странно косится, словно это он испортил баранину и ограбил.

Слабой рукой я потянулся к кафтану. Где-то в подкладке спрятан сонный порошок, который можно швырнуть в наглую рожу виночерпия.

Из-за соседнего стола раздался веселый гогот. Я зло покосился на них, шерсть на загривке стала подниматься, пришлось думать о птичках и водопадах, чтобы не выдать в себе полузверя и не перепугать посетителей таверны.

Наконец удалось подцепить пальцами рукав. Хотел потянуть, но кафтан соскользнул под ноги жирному гоблину, который остановился прямо передо мной. Снизу его пузо кажется круглым, как кожаный шар.

Он наклонился, едва не вспоров мне щеку клыком. Над ухом раздался трескучий голос:

– Эй, парень, тебе нужна помощь?

Я захрипел, правая ноздря не дышит, и хорошо понимаю почему. Нос упирается в пол.

Затуманенный взгляд опустился к настилу из щербатых досок. Прямо перед лицом грязные сапоги. Чуть выше они превращаются в гоблина, который наклонился и с сочувствием смотрит сверху. Гоблины, жирные гоблины желающие помочь.

– Нэт... мне и здесь неплохо... – хрипло проговорил я. – Но виночерпий уволок у меня три десятка золотых, кажет-

ся...

– Три? – удивился гоблин и цапнул широкой лапой рукоять кинжала. – За три десятка золотых можно купить всю таверну, не то, что еду.

Мутными глазами увидел, как гоблин шагнул к виночерпию и схватил его за ворот.

– Вы со Шмыгом опять за старое? – прорычал он.

Виночерпий съежился и выставил ладони перед лицом.

– Что ты, что ты, – простонал бедняга. – После последней порки Шмыг как шелковый ходит. А на меня вообще молиться можно. Вот те зуб!

Виночерпий вытащил изо рта длинный клык и положил перед гоблином. До меня с запозданием дошло – нежить. Лишь теперь заметил легкое подрагивание морока вокруг мертвяка, который скрывает гнилой запах и придает человеческий облик.

Гоблин скривил мясистые губы и отпустил полутрупа.

– Главное, чтоб самому не пришлось молиться, – ответил он многозначительно и обернулся ко мне. – Уверен, что виночерпий уволок?

Перед глазами поплыло еще сильнее, хотел сказать, что уже ни в чем не уверен, но в этот момент дверь с грохотом распахнулась, в таверну ворвался гном с дикими воплями.

– Баррра! Адамас твою кимберлита мать! – заорал не в меру захмелевший гном. – Кувалду в скважину! А подать мне бочку кертерберийского светлого, а то прям шас здесь

будет Великий Разлом!

Из тени колонны выступила массивная фигура. Сквозь закрывающиеся веки разглядел широкую спину огра. Тот шагнул к гуляке, подхватил, словно куклу и вынес за порог. С улицы послышались недовольные вопли, потом жалобный писк. Огр вернулся в таверну и снова скрылся в тени.

Гоблин присел рядом на корточки и заглянул в лицо.

– Э, брат, тебе на воздух надо, – сказал он с сочувствием, – Яды нежити косят людей, только в путь. Но некоторые выживают. Пойдем-ка отведу тебя.

Хотел рывкнуть – какого лешего человеком обозвал?! Но зеленомордый повесил меня на плечо и выволок на улицу.

Яркий свет резанул по глазам, мир завертелся еще сильнее. Помню, как прижало к земле и долго трясло, потом какие-то люди пытались напоить молоком. После этого все как в тумане.

Очнулся уже в телеге по дороге через Изумрудный лес. Колеса брички мерно поскрипывают, в углу ворох какого-то тряпья и пара мешков, кажется с репой. На козлах все тот же гоблин.

Увидев, что я, наконец, разлепил веки, он жизнерадостно оскалился. Не такой уж гоблин и жирный, видимо ракурс с пола показывал живот солиднее. Голый торс, серый с зеленцой, мышцы рельефные, на животе разве что небольшая складка и пупок торчит выпукло, как кукиш. Нижние клыки закусил губу в веселом оскале, зеленомордый поднял вол-

човку двумя пальцами.

Я страдальчески закатил глаза – волчовка вся изодрана, на спине огромная дыра. Гоблин покосился зеленым глазом, набрал воздуха, чтобы что-то сказать, но в последний момент со свистом выдул, схватился за кинжал и метнул в кусты. Из зарослей послышался сдавленный крик, затем на дороге грохнулось тощее тело.

Я приподнялся на локте и заглянул за край. Нежить.

Гоблин громко высморкался и потянул поводья на себя.

– Проклятые твари. Зря король пошел на союз с этой чужезядкой, – проговорил он зло.

Лошадь устало фыркнула, телега остановилась. Зеленомордый спрыгнул с козел и пошел к дважды трупу. Пока он возился с кинжалом, что-то бубнил, я быстро оглядел телегу. Оружия не видно, но это гоблин, у них даже под подушками ножи и дротики.

В голове еще звенит от яда, но ясность ума уже вернулась.

Когда гоблин забрался на телегу, я спросил, сядя на грязных мешках:

– Долго я так провалялся?

– Ровно столько, чтобы очухаться для починки моей волчовки, – сказал гоблин и швырнул мне изодранный меховой доспех.

И хотелось бы возмутиться, но факт налицо.

Зеленомордый ударил поводьями. Лошадь переступила копытами, но не сдвинулась с места. Лишь после того, как

гоблин крикнул что-то на своем, гоблинском языке, она двинулась по дороге.

Колеса тихо поскрипывают, телега умиротворяющее качается на кочках. Звериный организм справился с ядом, еще не много – совсем оклемаюсь. В голове мелькнуло – какого лешего вообще еду с ним в этой телеге?

Видимо, мои мысли отразились на физиономии. Гоблин вытащил из-под перекладки звякающий мешочек и кинул мне. Я быстро поймал. От рывка в голове случился болезненный спазм.

Пальцы распознали рубчики золотых монет, улыбка невольно поползла по лицу. Вроде по весу все на месте, что удивительно.

Губы зеленомордого расползлись в улыбке, он вытащил из мешка голову, которая, словно дожидалась – сохраняла последнюю кровь, чтоб резко закапать. По голове, точнее по лицу, распознал таверного. Сквозь пелену воспоминаний прорисовалось его лицо с алчной ухмылкой. Кажется, шарил по карманам. А я на виночерпия подумал.

– Меня зовут Курт Зут’Вакар, – почему-то радостно произнес гоблин. – Ты мне должен!

Я секунду пялился на окровавленную голову с подкатанными глазами, затем перевел взгляд на довольную рожу гоблина.

– Ты ж совсем убил его, – проговорил я, раскрыв рот.

Пальцы чуть удлинились, когти вытянулись. Я спрятал ру-

ки подмышки, вроде грею. А сам проверил языком клыки – не вылезли ли. Биться с гоблином после яда нежитьи тяжело. А южные гоблины одни из немногих, кто в бою равен воргу.

Но он отмахнулся, положив окровавленную голову под козлы.

– Не благодари, лучше помоги монетой. Кляча моя совсем издыхает. Коня мне купишь, золотых хватит, я пересчитал.

– Странно, сам не купил, – буркнул я.

– Я не граблю немощных и больных, – проговорил он веско. – Чего? Они ж беззащитные, как дети.

Гоблинов с моральными принципами прежде не встречал. Думал, у них, как у нас – первым делом от хворых и хилых избавляются. Или последним. Но в живых не оставляют точно.

В желудке неприятно заворочалось, я громко икнул и быстро постучал по груди.

– Дрянное мясо, – пробормотал я. – Ловко замаскировали.

Гоблин сочувствующе покачал головой.

– Говорил я, нельзя людям есть в этой таверне. Так нет, храбрятся, доказать что-то пытаются. Сто раз видел, берут здоровенные порции. Прямо как ты, а потом на заднем дворе вместе с поросятами.

Я сплюнул за край телеги и вытерся рукавом.

– Я не человек.

Гоблин опасно развернулся на козлах и прищурился.

– То-то мне твоя рожа показалась странной, – пробубнил он, схватился за кинжал и напрягся. – Отвечай, кто таков.

Я откинулся на спинку телеги и проговорил:

– Ворг.

– Ворг... – оторопело протянул гоблин. – Многодушец!

Брови гоблина сомкнулись и изобразили бы лук, не будь такими редкими. Скорее сошлись бровные мышцы, а уж волосинки изобразили тени.

Я снова с холодком увидел, как его пальцы ухватились за рукоять крашара, кривого зубастого ятагана. В прошлый раз когда это видел... Ах да, вот же она – голова таверного. Пялится в небо, даже веки никто не надвинул. Одинокая муха сидит прямо в уголке глаза, потирает лапки.

– Послушай, гоблин... Как тебя там. Курт, – сказал я устало. – О нас ходят много легенд, и я просто не знаю, какие ходят у вас. Давай, говори, я весь здесь. И не хватай оружие. Я тебе должен.

Он несколько секунд изучающее рассматривал меня, как муху на столе, затем отложил крашар.

– Говорят, вы жестокие и лживые, – проговорил он с сомнением. – Готовы любому в спину нож всадить, лишь бы получить свое.

Я хмыкнул.

– Ну, у нас много общего, хотя с ложью ты перегнул. В этом гоблинам равных нет.

Гоблин оскалился, но крашар остался на поясе, глаза при-

щурились, словно пытается разглядеть, где у меня мешок душ припрятан.

– Еще скажи, ворг соблюдают правила, – с сомнением произнес гоблин.

Я развел руками и заверил:

– Можешь не верить, но у нас тоже есть законы. Например, всегда отдавать долги. Так что не дергайся.

Курт недовольно зарычал, будто уже сто раз пожалел, что спас чужака. Он еще секунду сверлил взглядом, потом хлопнул ладонью рядом по деревянному сидению.

– Садись, ворг, – сказал он успокаиваясь. – Есть немного мяса и вода. Много не пей.

– Почему?

– Ручья впереди нет.

Я, стараясь держаться ровно, переполз вперед по скрипучим доскам и опустился на деревянную перекладину.

– Ворг... – начал он. – Но, если честно, я даже за эльфа вписался бы.

– Чего это вдруг?

– Не дело это...

– Ты о чем?

– Подло пользоваться тем, – пояснил он неуклюже, – что клиент мордой в пол уткнулся.

– Ну с эльфом ты перегнул, – сказал я.

Голова с запекшейся кровью подкатилась ближе, я ногой отодвинул подальше.

– Ничего похожего, ворг, – ответил он. – Эльфы, они зануды, конечно. Что у них в головах творится? Видел как-то одного – рожа белая, аж светится, на конях с рогами ездят. Ну кто на таких ездит, кто ездит?

– Это эльфы-то?

– Эльфы, – подтвердил он. – А гонору у каждого на гномью деревню хватит. В бою собственными руками придушил бы.

– Я тоже...

– Только если безвинно помирать будет, – закончил он, – надо помочь. Нельзя не помогать.

Я промолчал. Поди разбери, какие правила у зеленолицых. Может и, правда, положено помогать сирым и убогим. Или только у Курта заморочки. Выяснить не хочется. Хватит, что вытащил меня из той треклятой таверны.

Он шумно поскреб подбородок и проговорил:

– Такэ, што б ты понял. У гоблинов легенды говорят, ворги – оборотни. Превращаются во всяких тварей. Волки, гиены, орлы, а то и тигры. Страшные, в общем, звери. Это чтоб ты понял. Расскажи, как есть по-твоему, чтоб я понял, а то...

Гоблин натужно покачал ятаганом и убрал в ножны. Правда взгляд остался внимательным и сосредоточенным. Сразу не заметно, но чую, гоблин – опытный боец. Одно не верное движение, крашар засверкает в воздухе, как лопасти мельницы. Мне же сейчас меньше всего хочется с кем-то драться.

Я уныло промолчал. Зеленомордый начнет канючить –

покажи, да превратись. А в зайца, а в медведя? И станет довольно гоготать, когда перекинусь. Хотя гоблин серьезней, чем пытается казаться, я такое за версту чую.

Шерсть на загривке тревожно шевельнулась и вздыбилась. Я украдкой глянул по сторонам, но кроме деревьев ничего не обнаружил. На всякий случай потянул носом – тоже чисто. Но ощущение мерзенькое, словно кто-то крадетсЯ.

В районе живота на секунду появился комок, показалось сейчас перекинусь, но это не возможно – о твердое не бился, на звере не сосредотачивался.

Я тряхнул головой, выгоняя наваждение. С волос посыпались комки грязи, гоблин отклонился, недовольно скривив губы, но промолчал.

– Что тебе сказать. Правду говорят, – признался я. – И в орла можем, и в волка. Только я бракованный на желудок. Не могу жрать человеческую еду.

Он проговорил с сочувствием:

– Это да. Даже у меня несварение после похлебки в той таверне.

Я кивнул.

– Хлеб тоже не переносу.

– Так зачем ешь?

– Я не ем. Я так расслабляюсь. Молюсь вроде.

– А... – протянул он. – Ну так чего, и в орла... и в волка?

Гоблин дружелюбно обнажил ряды зубов. Это выглядело бы нормальной улыбкой, если бы бивни, которыми с легко-

стью можно вспороть кожу от живота до горла, не закусывали верхнюю губу. Как дите, смотрит с любопытством, только слюни не текут.

Я закричал и перевернулся на козлах.

– Ладно, смотри.

Пришлось подпрыгнуть на телеге, чтоб как следует стукнуться лбом. Доски жалобно закричали и прогнулись. Из глаз рассыпались искры, меня перевернуло три раза.

В нос ворвались миллионы запахов и звуков, клыки обнажились в волчьем оскале. Курт восторженно открыл рот и прижал кулак к груди.

– Етить твою клячу! – прошептал он. – Натуральный ворг!

Я снова стукнулся лбом и вернулся в человеческий облик. Гоблин пялится и цокает языком – доволен, как навозный жук, который нашел чужой козий шарик.

Я поправил одежду – в волчьем обличии штаны сползли, а рубаха собралась гармошкой на шее.

– Ты куда меня везешь? – спросил я наконец.

Курт еще немного полюбовался, даже приятно стало, я весь такой необыкновенный.

– Ну теперь-то точно в Межземье, – сказал он так, будто этим все объяснил.

– Это почему? – спросил я.

Гоблин посмотрел на меня, как на полоумного.

– Тебе, видать, яд совсем память отшиб. На воров охота идет, за одну твою голову я могу купить дворец в центре

Востока.

Я насторожился.

– Так чего не купишь?

– Не люблю я Восток, – буркнул гоблин. – Да и нет на Востоке дворцов.

Губы мучительно пересохли, так бы и облизнуть, мощно, по-волчьи, чтоб аж глаза языком захлестнуть. Но лучше пока не надо. Взял фляжку и сделал пару звучных глотков, облизнулся как надо под напряженным взглядом гоблина.

Я постарался всем видом показать, что сейчас совершенно безвреден, насколько это сочетается с понятием ворга. Да, язык у меня до шеи, когда перекинусь. Но на клыки свои посмотри. Я, даже оборачиваясь в зверя, таких не имею!

Гоблин проследил мой взгляд, глаза скосились к клыкам, он потрогал острия большими пальцами.

– Как хорошо без этих дурацких колец на клыках, – сказал он довольно. – Жмут конкретно, но по договоренности в городах носим, как, тьфу, намордники какие.

– Я думал, вы их для красоты носите.

– Какая там красота!?! – обиделся он. – Красота это вот!

Гоблин сорвал пыльный кожаный сапог с ноги, резко двинул головой снизу вверх. Хрустнуло, и голенище стало лохмотьями.

Я сморщился. От гоблинских ног несет так, хоть топор вешай. Да что топор, тут секира застынет в полете. Зеленая рожа довольно скалится, глаз прищурен, того и гляди выва-

лит язык от радости.

– Ты полегче с сапогами, – порекомендовал я.

– А что не так? – искренне удивился Курт. – Клыки у меня что надо!

Я с недоверием покосился на распоротый сапог. Вообще-то гоблин прав, у их брата те еще бивни. Особенно у южных. Слышал, как-то в таверне драка была, зеленомордый одним махом вскрыл гнома, это с их-то твердую шкурой!

– Босиком теперь будешь? – спросил я.

Гоблин тупо уставился на клочок сапога в кулаке.

– Тфу, – запоздало спохватился он, – вот так всегда. Как разойдусь, начинаю махать бивнями направо и налево. Потом, то жилетки не хватает, то, вон, теперь обуви.

– Сочувствую, – сказал я.

Он отмахнулся.

– Да ерунда, все равно так себе сапоги. Ну не смог удержаться, ты не представляешь как плохо в этих дурацких накладных кольцах.

– Сочувствую...

– Везет вам, – сказал он, что не заставляют намордники надевать при входе в город. О гоблинах все знают. Хотя теперь не завидую твоей шкуре.

Он немного помолчал, потом сказал:

– Слушай, расскажи, чтоб я тоже знал, о воргах. Как вы живете? А то ехать скучно, а я о вас лишь легенды знаю. Ну а легенды – сам понимаешь, у каждого народа свои. Вот на-

пример, слышал, что если ворг тыпнет человека, и тот не померет, то в ворга обратится.

Я угрюмо хохотнул. Особо рассказывать о наших обычаях не хочется, но это развеселило.

– Тебя послушать, все сплошная магия, – проговорил я. – Выходит, если ты человека укусишь, он гоблином станет.

Пока гоблин соображал, станет ли человек гоблином от укуса, я понял, что куртка с сонным порошком безвозвратно потеряна. Видимо, гоблин посчитал лишним брать ее с собой. А я два золотых за порошок отдал.

– Нет, – наконец сказал он, – так в гоблина не перемахнуться.

– Ну вот и с воргом так же, – пояснил я. – Либо таким уродишься, либо нет.

Гоблин потрогал переносицу, она странно сжалась, словно у него в носу вообще кости нет, затем хрустнул шеей. Сразу захотелось тоже потянуться. Еле сдержался

Я бы мог растянуться по-волчьи во всю спину, чтоб каждый позвонок слышать. Да только гоблин опять тарашиться начнет, и требовать, чтоб фокусы показывал.

Он зевнул во всю необъятную пасть. Ощувив, что тоже набрал воздух, я прикрыл рот ладонью и прогудел сквозь зевоту:

– Так шо там с Ильвой?

Гоблин почесал зеленый бок.

– Да чего говорить? Король заключил договор о взаимо-

помощи.

– Зачем? – удивился я.

Курт тяжело вздохнул, лицо стало задумчивым. Странно наблюдать, как клыкастая рожа печально морщится.

– У короля дочь умирала, – начал гоблин, – а Ильва, сам знаешь, водится с духами, ну и вообще, руководит мертвяками. Когда обратился за помощью, эта чужаядка, чтоб ей вечно в склепах гнить, выставила условия – свободу нежити. Теперь по всему краю бегают мертвяки, грабят деревни под видом дани, или не знаю чего. Люди тихо воют, гномы ворчат, но терпят. Им вообще не страшно, засядут у себя в горах и поминай как звали. Нежить пока туда не особо рвется. Мне – плевать, главное, чтоб торговать не мешали. А то, что иногда из лесов выскакивают, так это вон..

Он похлопал ладонью по крашару.

Я с трудом соображал, пытаюсь переварить, как нежить может свободно бегать по Восточным землям. Раньше только по ночам встречались, да и то в заброшенных местах.

– А ворги чем не угодили? – спросил я осторожно.

Он бросил на меня хитрый взгляд.

– Что, зацепило? – спросил он и поскреб лоб. – Меня на твоём месте тоже зацепило бы. Если честно, друг, очень рад, что не на твоём.

Я насторожился.

– Это еще почему?

– Да тут вот какое дело, – начал объяснять Курт. – Когда

заклучали договор, Ильва потребовала, чтоб всех воров изловили и отправили на псарни. Оно и понятно, нежить вас боится, как эльфийского огня.

Я не поверил.

– И что? Король вот просто так взял и согласился?

Курт кивнул.

– Не просто, но согласился, – подтвердил он, – и даже переловил большую часть. А тех, кто не переловился, приказал порешить. Ты не серчай, понять его можно. Дочка-то единственная.

Переловил, мелькнула тревожная мысль. Значит, наверное, и мою стаю. Мою бывшую стаю отправили на псарни или куда там не знаю. Выходит, я один. Совсем. Хотя должен был это понять еще, когда уходил. Но раньше грело ощущения, что там, на опушке Изумрудного леса есть ворги, с которыми вырос, а теперь – всё.

Я вздохнул печально.

– Красивая дочка хоть?

– Говорят, просто загляденье, – ответил гоблин. – По человеческим меркам, конечно. Не знаю, как воргам, но по мне, если клыков нет, то и разговаривать не о чем.

Дорога, раздолбанная тысячами колес, сузилась в две глубокие колеи. Из них торчат пучки травы, и даже кусты. Основная дорога пошла правее, а мы свернули на малоезжую. Лошадь, что топала себе, опустив голову, сначала начала прядать ушами, а потом вздернула голову и стала осторожно

коситься по сторонам.

Небо потемнело, да не той вечерней темнотой от которой хочется зевать и мудро смотреть на звезды, а суровым облачным полумраком. За лесом засверкали зарницы. Но грома не слышно, да и тьма далеко, может и краем пройдет.

Правое колесо поскрипывает и описывает серьезную восьмерку. Были бы мужики-наблюдатели – обязательно обсудили бы доедет оно до Королевства Джерона или отвалится в Восточном крае. Но мужиков, к счастью и сожалению, нет.

Впереди расступились деревья и показались возделанные поля, местами выкошенные.

Я свесился с телеги и сорвал пучок колосьев. Не люблю поля. Где возделывают – значит охраняют. А раз так, волком не побегаешь, всюду мужики с вилами, медвежьи капканы и ямы.

Загривок напрягся, будто сам по себе, в горле заклокотало. Гоблин заметил перемену в настроении и проговорил успокаивающе:

– Ты не переживай, ворг. Это свободная ферма, сюда нежить не суется. Вон, глянь.

Над небольшим домиком красный огонек, колючие лучи бешено вертятся и пускают зайчиков в стороны. Огонек на секунду замер, из центра вырвался длинный сноп и умчался куда-то в лес. Послышался сдавленный крик.

– Это чего? – спросил я.

Гоблин довольно закрихтел.

– Нравится? Маг из Восточного края зачаровал. Убивает всю нежить на расстоянии двух перелетов стрелы. По мере надобности ставит защитный барьер на любых живых существ.

– Так это твой дом что ли? – изумился я.

Гоблин покосился на меня, как на умалишенного.

– Я похож на фермера? – спросил он обиженно. – Это угоды моей сестры.

Я пожал плечами, откуда мне знать, как выглядят гоблинские фермеры.

Из зарослей раздался рассерженный голос.

– Эй там! Эгей!

Не успел уточнить, что этот рык имеет ввиду, как из тьмы, прямо в нас вылетело бревно.

Большое бревно с остатками корней. Лошадь не ожидала такой подлости от обжитых районов, потому не успела среагировать. И оглобли помешали. Бревно сухо стукнуло в лошадиный затылок. Бедное животное выпучило глаза, тяжело выдохнуло и, неуверенно переступив ногами, медленно опустилось на землю.

– Растудить его в копыто! – прокричал гоблин и отпустил поводья. – Сдохла!

Гоблин быстро спрыгнул с перекладины. С земли поднялось облачко пыли и осело на зеленой коже.

Я кувыркнулся через край телеги, шарахнувшись об угол, и опустился на четыре конечности. Не успел подумать, в ко-

го перекинуться. Горизонт появился слишком высоко и мир стал желтоватым. Звуки закрутились в голове беспорядочным хором. В кота превратился, олух.

С досадой стукнулся лбом о колесо, вернулся в человечесье тело. Гоблин вытащил крашар.

– Какого рожна тут творится? – заорал он в темноту. – Выходи, а то кинжалами закидаю!

В кустах послышалось шевеление, раздался хриплый голос:

– Курт, ты что ли?

Гоблин слепо прищурился и скривил губы.

– Азута? – спросил он неуверенно.

Из зарослей показалась зеленая физиономия, нижняя челюсть выпирает, аккуратные клыки торчат в разные стороны. В два раза меньше, чем у Курта, но такие же опасные. Нос широкий, глаза раскосые, на голове высокий гребень из волос, зафиксированная так крепко, что даже в бою не рассыпется.

Курт рассерженно рявкнул:

– Ты чего мою лошадь убила?

– А ты чего тут едешь без предупреждений? – гаркнула в ответ гоблинша.

Курт спрятал крашар в ножны.

– Я что, должен о каждом приезде докладывать? – спросил он раздраженно. – Говорили же, что буду торговать в ваших землях. Хватит с тебя. Что теперь без клячи прикажешь

делать?

Гоблинша вышла на дорогу, подтянула до груди широченные шаровары, кулаки уперлись в бока. Высокая грудь затянута кожаным доспехом, ощущение, что там у нее тоже мышцы. Подбородок широкий из-за бивней, настоящая воительница.

– Я сто раз говорила, что плохо вижу в темноте. Думала, опять нежить ломится.

– Нежить на телеге? – не унимался Курт. – И вообще, чего ты на ночь глядя в поле полезла?

Азута отмахнулась.

– А когда, по-твоему, сумеречную траву собирают?

Я некоторое время наблюдал, как пререкаются гоблины. Есть в этом что-то приятное, даже милое. У нас так не принято. Если в стае – то иерархия. А если одиночка, то и спорить не с кем.

Осторожно шагнул вперед, чтоб не напугать гоблиншу, а то пришибет, ручище больше чем у Курта, и тихо покашлял.

Гоблины одновременно обернулись, Курт хлопнул себя по лбу

– Вот опять! Увлёкся. Забыл, у меня попутчик, – проговорил он. – Знакомься, это ворг. Как тебя, кстати, звать?

Гоблинша испуганно попятилась, шаря рукой. Ищет, чего бы твердого ухватить.

Курт поспешно заверил:

– Успокойся, он свой. В смысле не кидается.

Она с сомнением покосилась на меня. Чтобы гоблин доверял вору, нужна веская причина. Впрочем, правило работает и в обратном направлении. Зеленокожим тоже не очень-то верят. Те еще хитрюги. Хотя воины первоклассные.

Я приветственно оскалился. Не знаю, насколько дружелюбно получилось, но я старался. Волосы на затылке встали дыбом, это на всякий случай, чтоб видела – хищника надо уважать, даже если спокойный.

– Лотер, – сказал я. – Меня зовут Лотер. Но чаще называют воргом.

Курт неловко повел плечами, видимо, не доволен, что испортил впечатление. Так радостно хвастался красным огоньком над крышей, а тут и лошадь убили, и семейные склоки посреди поля.

– Это моя сестра Азута, – сказал он и кивнул в ее сторону.

– Да я уже понял, – ответил я.

Гоблинша перестала пятиться, сложила руки на груди и сдвинула брови.

– А чего ты его ко мне притащил? – спросила она. – Слышал, сколько золота обещают за голову ворга?

Он набычил лоб и оскалился.

– Если сдашь гвардейцам, твою голову повешу вон на тот столб. Он мирный. К тому же, должен мне.

Глава 2

Спустя несколько минут объяснений и уговоров, Азута согласилась пустить меня в дом, но не дольше чем на ночь. Хотя мне не обязательно спать под крышей – обернусь барсуком, отлежусь в какой-нибудь норе. Но в домашнем тепле приятно.

Оказалось, сестра Курта хорошо готовит. Мой звериный аппетит ликовал и пел песни поджарке из свинины с луковыми колечками, свежему сыру и пирогам с мясом.

Гоблины с изумлением смотрели, как я поглощаю одну порцию за другой. Мне даже неловко стало, но остановиться сложно. После отравленной баранины ничего не ел.

Наконец, в желудке приятно потяжелело, я откинулся на спинку стула и перевязал веревку на поясе. Живот не выпирает, и это хорошо. А то ходил бы как огр с торчащим пузом наперевес.

– Ты всегда такой проглот? – осторожно поинтересовался гоблин, кивая сестре на тарелки.

Та поднялась и собрала тарелки. По выражению ее лица понял – нести добавку не намеренна. Будто, я опустошил кладовую.

– Понимаешь, – начал оправдываться я, – у воров хороший аппетит. Это из-за превращений.

– В каком смысле? – спросил гоблин.

– Они много сил забирают, – пояснил я. – Поэтому если едим, то от души. Вы извините, что так накинулся.

Зеленомордый отмахнулся.

– Да ерунда, – сказал он. – Все равно это не мои запасы.

А сестрино фермерство процветает.

– Рад за нее, – искренне сказал я.

– Но, ты это, поосторожней, – все же предупредил он. –

Раскабанеешь, точно перевертываться не сможешь.

Я вытер пальцы о волосы, помыть их, наверное, стоит, а то плохо уже справляются со своим назначением. Хотя мыл месяц назад, а часто этого делать нельзя – повыпадают еще.

– Ты когда-нибудь видел толстого ворга? – спросил я

Гоблин пожал плечами и ответил:

– Да я вообще никаких воров не видел. Ты первый.

– То-то же, – сказал я значительно. – Ворги не толстеют.

Если бы ты по сто раз на день перекидывался в лису, в медведя, или еще в какую тварь, тоже не толстел бы.

– Я и не толстею, – произнес Курт обиженно и указал на рельефный живот.

Под зеленой кожей восемь кубиков. Ему, и правда, ожирение в ближайшую пятилетку не грозит, если не осядет на ферме. Хотя в таверне, яд сделал свое черное дело и дорисовал гоблину насколько жирных складок под пупом.

– Да я не говорю, – поспешил оправдаться я, – я просто это. Ну... В общем не важный из меня объясняльщик.

Пока мы разговаривали, сестра Курта развела огонь в очаге и поставила котел с водой. Удивительно, как таскает тяжести. Хотя она метнула в нас бревно и убила лошадь. Если вдруг предложу помощь – еще обидится и зашибет в сердцах.

Из кухни вернулась с тремя кружками кобыльего молока. Она поставила передо мной ту, что побольше, и уселась рядом на скамейку. Наверное, по гоблинским меркам она красивая – любят они поклыкастее.

– Так куда направляешься? – спросила Азута, отхлебнув из кружки.

На толстых губах осталась белая каемка. Она быстро вытерла тыльной стороной ладони, взгляд стал строгим. Даже поежиться захотелось.

– Курт говорит, в Межземье. Из-за охоты на воргов, – ответил я и тоже отпил из кружки.

На вкус молоко оказалось сладким и чуть терпковатым. Раньше не пробовал, но слышал, что полезное. Да и не стали бы гоблины пить всякую дрянь – слишком любят себя.

Азута кивнула.

– Дело говорит, – сказала она. – В Восточном крае нынче не спокойно. Нежить шляется по лесам, вместе с гвардейцами отлавливает воргов.

– Убивают? – с опаской спросил я.

– Официально говорят, что сгоняют на псарни, – ответила гоблинша. – Почему туда, не понятно. Но один гном недавно

болтал, мол, на самом деле Ильва с нежитью самолично гоняется за ворггами и уводит в склепы. Зачем – тролль ее знает. Тот же гном утверждал, мол, для превращения в нежить.

Меня передернуло. Ворг-нежить – противоестественно.

– Не верю, – проговорил я.

Азута пожала плечами и залпом осушила содержимое кружки.

– И я так казала, – произнесла она. – Но гном клялся своей секирой, что лично видел, толпу нежити.

– Удивила, – бросил я.

– Да? А закованный ворг на цепи среди них? В Мертвую степь небось тащили.

Я задумался. Если рассказ Азуты – правда, нашему брату грозит не то что, вымирание. Вечное рабство у хозяйки мертвяков! Это хуже самой позорной смерти. Лучше сразу кинуться со скалы, чем до конца времен прислуживать Ильве.

– Это просто смешно, – сказал я нервно. – Нежить боится нас.

Курт допил молоко и отставил кружку на край стола. Глаза покраснели, наверное, давно не спал. А может перед костром где-то долго сидел.

– Вообще-то, на их месте я бы тоже вас отлавливал, – сказал он, потягиваясь. – Знаешь старую гоблинскую поговорку? «Не можешь победить врага – сделай его союзником». Способ у них не очень, но делают четко.

– Хочешь сказать, – решил уточнить я, – из страха нас в нежить превращают?

– А из-за чего же? – удивился Курт. – Вы их главные враги. Остальные как-то уживаются с Мертвой степью, а вы, то и дело, навеваетесь.

Я оскалился и проговорил:

– С каких пор набег на человеческие деревни стали мирным «уживанием»? Да и не часто мы навеваемся. Ну, приходила стая пару раз, ну утащила несколько мертвяков. Я подростком тогда был. И что? Они все равно множатся как зайцы. А кости их самые что ни есть полезные.

– Чем это? – поинтересовался гоблин.

– В них особый сок. Улучшает превращение, – ответил я. Азуга прикрыла губы ладонью.

– Фу, гадость какая, – сказала она, вставая из-за стола. – Ворг ест нежить. От одной мысли желудок к горлу подступает.

– Можно подумать, отрубать им голову менее противное занятие, – произнес я.

Сестра Курта собрала кружки, уместив в одной ладони все три. Все-таки она слишком массивна даже для гоблинши. Хотя все южные гоблины высокие и крепкие. Зато их собратья на севере – низкорослые карлики со скрипучими голосами. Ломятся на работу в таверны Межземья, там хорошо платят, хоть и приходится пахать без продыху.

– Ты вот что, Лотер, – сказала она, направляясь в кухню, –

раздевайся.

Я вытаращил глаза. Курт, спокойно ковырявший в хлебном мякише, замер. Палец так и остался в хлебе, гoblin с недоумением посмотрел на сестру.

Вода в котле и забурлила. Капли шипят, попадая на дрова. Ощущение, что за очагом клубятся маленькие змейки.

– Болваны, – сказала Азута строго. – Ворг, будешь мыться. Я не дам ложиться на чистые простыни. С тебя грязь ко-мьями отпадает. И разит. Даже не пойму чем. Случайно в козлином загоне не ночевал?

Я облегченно выдохнул. Сестра Курта высокая и статная, но гoblinы – точно не мое.

Зеленомордый вытащил палец из хлеба и обтер его о штаны. Послышался сдавленный смешок. Я бросил суровый взгляд на гoblinа, тот хмыкнул и прищурился.

– Ну, – начал я, – может и ночевал. Теперь уже не помню. Был какой-то постоялый двор на краю Центральных земель. Мест не было, но овчарня теплая и уютная.

– Ужасно, – сказала Азута брезгливо. – Ест всякую дрянь, спит, где попало. Поди, еще разбойник. Одно слово – ворг.

– Ну-ну, – предостерег ее брат. – Ты не больно наседай на него. Все-таки хищник, хоть и должник.

Он опасливо покосился на меня.

Холка встала дыбом, ощутил, как клыки стали удлиняться. Не обращение, конечно, так – свирепство. И опять это странное чувство, что за мной кто-то следит. Я глухо зары-

чал, но когда поймал на себе строгий взгляд Азуты – все моментально улеглось. Говорят, что нет ничего страшнее, разозленной женщины, а гоблинская она или гномская – без разницы.

Я понял, если действительно улягусь грязным на ее белье – головы не сносить. И оборот в медведя не спасет. Когда хлестают мокрым полотенцем, мало того, что больно, так еще и обидно.

– Уговорила, – сказал я побеждено. – Буду мыться.

Азута самостоятельно вытащила огромную дубовую лохань на середину комнаты. Долго возилась с установкой, чтоб не шаталась. Хотел помочь, но Курт остановил, шепнув на ухо – Не суйся. Решит, будто сочли хилой.

Молча наблюдали, как она наполняла лохань то горячей, то холодной водой. Если первую вылила прямо из котла в очаге, то вторую пришлось несколько раз таскать из бочки, что в сенях.

– Прошу купаться, – пригласила она и отошла в сторону. – Гостю положено мыться первым. Потом ты, Курт.

Гоблин взмолился:

– А меня за что?

– Еще спасибо скажешь, когда чесаться перестанешь, – пробурчала Азута, удаляясь из комнаты.

Мы несколько секунд молча смотрели, как от воды поднимается пар. Гоблинша не забыла накапать в лохань несколько капель пихтового масла, теперь вся комната наполни-

ласть приятным хвойным запахом. Может оно и правильно – мыться почаще, может и шкура зудеть перестанет. Но не мужское это дело. И точно не воровское.

Курт уперся ладонями в колени и поднялся.

– Ну, я это, пошел, – сказал он на выдохе. – Ты плескайся, а я с сестрой о семейном потолкую. Как намоешься – кричи. Слишком не старайся, а то сороки утянут.

Гоблин вышел, затворив дверь, чтобы не выпускать теплый воздух. Ночи в Восточном крае холодные, хотя днем жарко.

Я скинул скромную одежду – штаны и рубаху с широким воротом. Мешок с золотом бросил на стол и опустился в лохань. Мягкое тепло растеклось по телу. В домашних условиях купаться приятней, чем в холодных ручьях и реках.

Несколько минут лежал, не двигаясь, привыкал к новым ощущениям. Несколько раз чуть не уснул. Потом вымыл волосы оставленным на бортике мылом. Теперь буду пахнуть пихтой. Не то, что бы это плохо, но слишком уж сильно. Я должен пахнуть дорогой и пылью.

Спустя пятнадцать минут, вылез на маленький коврик возле лохани. Хотел отряхнуться по-волчьи, но заметил на стуле отрез ворсистой ткани – специально для меня положили. Пришлось воспользоваться.

Все же надо признать – чистота приятна, хоть и слишком хлопотна. Именно поэтому она так подходит гоблинкам, эльфийкам, гномкам и остальным женщинам.

Когда был маленьким, стая жила на опушке Изумрудного леса. У нас предпочитали перекидываться в волка. Уж не знаю – то ли традиция, то ли еще что-то. Я тоже привык к волчьему облику. Раз в неделю мать гоняла с братьями на ручей. Тот тек откуда-то из Мертвой степи и был жутко холодным. Люди брезговали подходить к нему из-за суеверий, а нам было плевать. Гораздо ужасней сам процесс омовения – с разбега прыгаешь в ледяную воду и барахтаешься, пока не разрешат вылезти. Еще и с головой нырять заставляют.

Я насухо вытерся, даже на голове волосы умудрился подсушить – хорошее полотенце, рыхлое. Затем быстро оделся и вышел в сени.

Там обнаружил Курта и Азуту, тихо о чем-то беседующих. При моем появлении гоблин дернулся, на лице отразилось раскаяние, словно втихую сожрал недельную провизию.

– А, Лотер, – сказал он расстроено. – Уже? Думал, будешь не меньше часа там плавать.

Я виновато развел руками.

– Что поделать – не могу долго в воде сидеть. Детская травма.

Азута с критическим видом осмотрела меня сверху вниз и обратно.

– Не похож ты на травмированного, – проговорила она. – От слова совсем.

Курт потер кончики клыков пальцами и обратился к сестре:

– Слушай, пойдй, проверь, как там овцы у тебя. Не голодные?

Азута нахмурилась так, что надбровные дуги сошлись на переносице.

– Нет у меня никаких овец, – сказала она обиженно.

– Ну, тогда козы, – предположил гоблин. – Козы есть?

– Есть, – фыркнула Азута и вышла вон из сеней.

Я удивленно хмыкнул. Гоблины, а все равно следуют внутренним правилам. Наверное, сестра младшая, иначе не стала бы слушать, как отправляют подышать из собственного дома.

Раньше как-то не было надобности общаться с гоблинами. Теперь, оказывается, они гостеприимны, еще и к старшим почтительны. Я всегда считал зеленомордых дикарями. Хотя, сам, не много ни мало – ворг.

Когда мы остались одни, Курт оглянулся на двери и немного помялся. Такие телодвижения обычно предвещают что-то вроде: «слушай, тут такое дело».

– Слушай, – начал гоблин. – Тут такое дело. Азута торгует провизией с лордами Центральных земель, а они, сам понимаешь, напрямую связаны с гвардейцами и королем.

– Понимаю, – сказал я, чувствуя, как приподнимается шерсть на загривке.

– В общем, – проговорил гоблин, – в конце недели к ней приезжают за товаром. А завтра, как раз конец.

Гоблин виновато посмотрел на меня и закричал, потирая

затылок. Я сделал два глубоких вдоха, зверь внутри успокоился, шерсть улеглась. Зеленомордый и так помог – не дал ограбить в таверне. Теперь придется долги отдавать.

– Да ладно, – сказал я ободряюще. – Понимаю. Утром уйдешь, даже следов не останется.

– Да неудобно как-то, – пробормотал Курт. – Вроде сам притащил в дом. А теперь гоню. Не гостеприимно.

Даже смешно стало – гоблин, рассуждающий о гостеприимстве, плохо сочетается со свирепой физиономией и крашаром, который, наверное, даже в постель берет.

Он вытащил из кармана небольшую коробочку. В ней оказалась красноватая густая масса с приятным запахом.

Я покосился на коробку. Слышал, что гоблины жуют какую-то гадость для роста зубов и крепости бивней. Но никогда не видел.

– Успокойся, – проговорил я. – Дело житейское. Не хочу навязываться. И так задолжал.

– Ну это да, – согласился гоблин. – Ты сказал, что отдашь долг. Почему-то кажется, не врешь.

Зеленомордый поковырял в коробочке, часть массы осталась на пальце, он сунул его в рот. Я наблюдал, как гоблин медленно жует, периодически чавкая из-за того, что бивни приоткрывают губы там, где должны смыкаться. Несколько секунд он будто не видел меня, затем пришел в себя и протянул мне коробочку.

– Попробуешь? – спросил он. – Бесценный опыт.

Зубы гоблина окрасились в бордовый цвет, создалось впечатление, что он только что загрыз кого-то и намеренно демонстрирует окровавленные резцы.

– Сомнительная гадость, – сказал я принюхиваясь.

Гоблин подсунул мне коробку под самый нос и проговорил обиженно:

– Никакая не гадость. Очень даже приятно на вкус. Это батлок. У Азуты целая плантация за пшеничным полем.

– И зачем он?

– Мы всегда его жуем, чтобы клыки и бивни укреплять, – пояснил гоблин. – Ну и вообще, гоблинам полезно.

Я с сомнением посмотрел на красную пасту в коробке. В плотной массе видны черные вкрапления и длинные прожилки. Не очень аппетитно.

– А это что? – спросил я и указал на черные точки.

Гоблин поднес коробку к самому носу и стал приглядываться. Через секунду лицо Курта просияло.

Он снова протянул мне короб и сказал довольным:

– Это колотые орехи и мак. Да бери уже. Думаешь, я каждому предлагаю батлок из своей коробки?

Делать нечего, пришлось согласиться. Я подковырнул тягучий шарик пасты и отправил в рот. На вкус батлок оказался сладковатым и немного пряным. Я старался жевать как можно медленнее, чтобы в случае неожиданностей успеть выплюнуть. На зубах захрустели орехи и маковые зерна. Голова ментально стала легкой и пустой, мысли о гвардейцах,

Ильве и нежити показались незначительными. Даже удивился – зачем вообще о них думал.

Рот наполнился вязкой слюной. Я стал быстро глотать, чтобы не потекло изо рта.

– Во-во, а теперь плюй сюда, – сказал гоблин и подал небольшую миску, где уже лежала одна пережеванная порция.

Я выполнил его требования и вытер губы рукавом. Не то, чтобы совсем противно, но я предпочитаю мясо и кости. Даже если обращаюсь птицей, то непременно хищной. Но ощущения от батлока интересные.

– Голова немного чумная, – сказал я, сплевывая в миску.

– Это потому, что ты ворг, – проговорил гоблин. – Сейчас пройдет. В ближайшие пять минут не перекидывайся.

– Почему это? – спросил я настороженно.

Гоблин поставил миску с остатками бетеля на полку с кувшинами и протянул мне кружку воды.

– Не получится.

– Что-о? – зарычал я.

– Да, говорят, на воров странно действует, – ответил Курт. – Затормаживает что ли. Это не страшно, просто надо подождать чуток и воды попить.

Я схватил кружку и буквально опрокинул в глотку. Голова перестала кружиться, мысли потекли ровные и четкие. Ну, слава богам и матери природе – нормализовалось.

– Зачем ты мне его подсунул? – спросил я глухо, чувствуя,

как начинает дыбиться холка.

Курт не растерялся, видя мою перемену, положил пальцы на крашар и отшагнул.

– Да успокойся, ворг, не сердчай, – проговорил он осторожно. – Я из добрых побуждений. Мало ли где столкнешься, чтоб знал, так сказать, ощущения.

– Предупреждать надо, – процедил я.

Шерсть на загривке все еще торчит, дыхание участилось. Не нужна мне такая забота. Лишить ворга возможности перекидываться – все равно, что убить, превратить в слабого и беззащитного человека. Без оружия люди всего лишь ягнята на бойне, а ворг без превращения – совсем жалкое зрелище.

– Я не просил о такой услуге, – прорычал я, чувствуя, как удлиняются клыки.

– Спасать из таверны тоже не просил, – сказал гоблин и подсогнул колени, занимая удобную для атаки позицию.

Курт верно говорит. Если бы не он, меня не только обобрали бы, но, возможно, пришили где-нибудь за углом. Тут не Межземье с зачарованными тавернами, где нельзя убивать. Это Восточный край, здесь черт знает, что творится.

Но ярость уже потекла по жилам.

Из глотки вырвался звериный рык, по хребту прокатилась горячая волна. Без оборота я лишь немного меняюсь – отрастают клыки с когтями, шерсть встает дыбом, глаза загораются красным.

Курт выхватил ятаган и занял боевую стойку. Биться с

гоблином плохая идея – они с малолетства приучены обращаться крашаром. Даже картошку ими чистят.

Только я не щенок. Много было драк, даже с троллем бился. Того убить почти не реально, но обдурить – только в путь.

Мир накрыла красная пелена, я чуть подался вперед и наклонил голову, изворачиваясь для броска. Гоблин перекинул ятаган из ладони в ладонь и выставил бивни перед собой.

Когда я готов был кинуться, дверь на улицу открылась и вошла Азута с ворохом мокрого белья в корыте.

Секунду она наблюдала немую сцену, затем бросила корыто, налету выхватив мокрое полотенце.

– Ах вы бестолочи! – крикнула она, замахиваясь то на одного, то на другого. – Вы что собираетесь устроить? Завтра гвардейцы приедут. Что я скажу, когда увидят погром после ваших игрищ? А если с собаками придут? И так воргом все пропахнет.

Вид бесстрашной гоблинши с мокрым полотенцем в руках немного отрезвил, красная пелена спала.

Все еще часто дыша, я прорычал:

– Он мне батлок подсунул.

Азута наигранно всплеснула руками.

– Ах ты, батюшки, какой мягкотелый ворг. Ты что, вчера родился? На кой леший его жрал? А ты?

Она обратилась к брату:

– Совсем что ли сдурел?

Курт зыркнул на сестру, косясь на меня одним глазом, и

сказал:

– Я предупредить хотел. Нежить прознала, как батлок на них действует. Ворги-то о нем слыхом не слыхивали.

– Да плевала я, что ты хотел! Заботливый какой! – взорвалась Азута. – Вечно от тебя неприятности. Таскаешь в дом кого ни попадя.

Она стояла с грозным лицом, замахнувшись полотенцем. Я думал, насколько нужно быть бесстрашной и уверенной, чтобы вот так накинуться на ворга и гоблина.

Ярость как-то сразу улеглась, даже стало немного стыдно – вспылит из-за мелочи. Хотя, с другой стороны, совсем не мелочь, но можно было обойтись без стычки.

Ко мне вернулся прежний вид – загривок улегся, зубы стали человеческими. Курт, глядя на меня, тоже убрал ятаган, но таки остался в полуприседе.

– Вот и чудненько, – сказала гоблинша, – Курт, дуй мыться. Ворг – пожалуйста спать. Я постелила в кухне на лавке. Там широко, уместисься.

Долго уговаривать не пришлось, после такого всплеска самое лучшее – нормально выспаться. Я, на всякий случай, бросил грозный взгляд на Курта и прошмыгнул на кухню.

По рассказам слышал, что гоблины строят не кухню в доме, а дом вокруг кухни. Так и оказалось – широкая жаровня с углублением для котлов, несколько веревок для копчения и куча полок с посудой.

Пол под ногами глухо скрипнул. Ага, внизу подвал. Его

специально для долговременного хранения провизии делают. В наших жилищах такого нет, потому что в землянках селимся. Вообще, все что ловится, съедается в ближайшие дни.

В углу нашел застеленную белыми простынями лавку, подушку из соломы и даже небольшое шерстяное покрывало. Мне не нужно, но на душе потеплело.

Я лег, не раздеваясь, и тут же уснул.

Глава 3

Снилась ерунда – толпы нежити, убегающие ворги. Я сам, почему-то, был нежитью. Кидался на своих и возносил славу Ильве.

Проснулся от того, что кто-то трясет за плечо. Первым желанием было вцепиться в глотку, но потом учуял запах гоблина и открыл глаза.

Курт опасливо трепыхал меня, пытаюсь привести в сознание. Лицо гоблина встревоженное, лоб от усердия сморщился, глаза вытаращились.

Наконец, заметив, что я проснулся, отпустил и быстро заговорил:

– Фух. Я уж начал думать, что не получится. Мало ли, как крепко вы спите.

Он покосился на дверь и продолжил:

– Вот что, ворг. Бежать тебе надо. Гвардейцы приперлись с утра, Азута во дворе их отвлекает, а они все норовят зайти в дом.

– Зачем?

– Жрать хотят что ли, – бросил гоблин. – Будто мало им товара, дармоеды.

Я сел и потер ладонями щеки, чтобы сбросить остатки сна. Гвардейцы, это плохо, даже с моими звериными навыками

против вооруженной толпы не попрешь. Хотя попробовать можно, правда, не уверен, что выживу.

Гоблин метнулся к сундуку возле стены и стал толкать. Несколько секунд сундук стоял неподвижно, потом половицы скрипнули, он медленно пополз в сторону.

– Как Азута тягает это одна? – пыхтя удивился гоблин. – Настоящая гоблинша.

Курт поковырял пальцами в досках, через несколько секунд между щелей показалась тонкая ручка. Он дернул на себя и открыл вход в подвал.

– Давай сюда, – проговорил он и снова глянул на дверь. – Спустишься вниз, дойдешь до конца. Там между винными бочками и мешками с репой тряпка на стене. За ней дверь в тоннель.

– К гномам что ли? – недоверчиво спросил я.

Гоблин покачал головой.

– Нет. Наверх. Только не сворачивай никуда. Азута сама копала. Кто ее знает, куда ведут ее тоннельчики.

Остатки сна окончательно испарились, я подскочил с лавки и мигом оказался у подвала. Попадаться гвардейцам нет ни малейшего желания, особенно после того, как наслушался от гоблинов последних новостей.

– А ты? – спросил я, впопыхах выгнув голову из кувшина.

Гоблин махнул рукой.

– А чего я? – ответил он беспечно. – Я тут в гостях у сестры. Чего они мне сделают? Хорошо, хоть без собак пришли.

За укрывательство вора – смерть.

Для убедительности он сомкнул пальцы у себя на шее и скривил рожу, как у висельника.

– Спасибо, гоблин, – сказал я, спускаясь по земляным ступенькам. – Теперь я совсем твой должник.

– Ага, – согласился зеленомордый. – Ты это, извини за батлок.

Я уже достиг дна подвала. Внизу пахнет сыростью и чем-то земляным, будто на кладбище дождевых червей и мокриц. Хотя, именно так должны пахнуть подвалы. По стенам ползают жучки с зеленоватыми светящимися брюшками. Не очень яркие, но позволяют ориентироваться в темноте.

Я поднял голову и глянул на клыкастую физиономию гоблина. Тот с нервным ожиданием заглядывает в проход. По выражению лица видно – хочет побыстрее закрыть крышку и придвинуть сундук на место.

– Ладно, – сказал я, махнув рукой. – Опыт, и впрямь, бесценный.

Гоблин облегченно выдохнул и опустил деревянную крышку. Подвал моментально погрузился во мрак, даже жучки-светлячки не помогли. Наверху послышался скрежет – гоблин задвинул сундук. Затем раздались удаляющиеся шаги.

Итак, один. Всегда один.

Что там гоблин говорил про тряпку?

На ощупь добрался до противоположного конца подвала,

он оказался большим. Обычно их роют шириной чуть уже, чем дом. В крайнем случае – соразмерно. Но тут помещение больше раза в два.

Пока шел, ощупывая пальцами стены, находил полки с кувшинами, склянки, мешки с разным добром. Пару раз под ногами кто-то пронесся, будто нарочно пытался обозначить свое присутствие. Обычные мыши, а все туда же, все норуют заявить права на территорию.

Наконец, добрался до винных бочек и мешков с репой. Пошарил рукой перед собой – тряпка и правда висит. Из грубого ворса и с запахом, говорящим, что не снимали ее лет десять.

Я осторожно отодвинул завесу и толкнул дверь. Створка осталась на месте, видимо, долго не использовалась. Пришлось изрядно попотеть, прежде чем она сдвинулась и поползла в сторону.

До конца открывать не стал. Как только щель оказалась достаточно широкой, я протиснулся внутрь и затворил дверь. Никогда не понимал тех, кто при побеге оставляет очевидные следы.

Если в подвале было просто темно, то здесь вообще безнадежная чернота. Принюхался – все тот же запах земляных червей.

Я кинулся вправо и с силой ударился головой о стену. Думал, что недостаточно твердая, оказалось – зря. Плотности земли хватило, чтобы начать превращение.

Меня перевернуло три раза, в голову ворвались звуки и запахи, недоступные для человеческих органов чувств. Секунду назад было тихо, но теперь слышно, как в двух шагах в стене копает крот, где-то скрипит мышь, а копошение червей – вообще не в счет, шелестят, как фон.

Но самое главное – чую дорогу. В темноте еле заметно тянет пшеницей и лесом.

Я довольно щелкнул зубами и потрусил на четырех лапах по извилистому тоннелю. Не знаю, что имел ввиду гоблин, говоря «не сворачивай», потому, что не свернуть – задача на миллион золотых. Если бы не перекинулся волком, заплутал бы на первой развилке.

Когда мир вокруг яркий и сочный, удерживать мысли в человеческом русле сложно. Так и хочется взвыть и кинуться, куда глаза глядят. Но в тоннеле у глаз выбор не велик.

Рубаха нелепо повисла поверх шерсти, штаны свалились. Пришлось скомкать и взять в зубы – не хочу потом голым по лесу бегать. И так пришлось отказаться от обуви, хожу в рванине, как скиталец.

Тоннель невыносимо длинный, местами с резкими поворотами, провалами и повышениями пола. Азуте надо было не фермерством заниматься, а строительством. Вот уж действительно – серьезно подошла к вопросу.

Мелькнула мысль о короле, из глотки произвольно вырвался рык. Как король мог так поступить с воргами? Мы сражались на его стороне, когда Ильва напала на Централь-

ные земли. А теперь с ней в стоворе, предатель. Говорила мне мать – не доверяй никому, верь носу и зубам. Хотя к людям относилась с теплотой и пониманием, как к несмышленным детям, которые по неведению топчут палисадник с редкими цветами. Наверное, из-за нее, чаще бываю человеком, чем волком или медведем. Никогда не забуду ее прощальный вой, когда уходил из стаи.

Не знаю, сколько бежал. Земля набилась в лапы и местами противно чавкает из-за грунтовых вод.

Наконец, запах поверхности стал сильнее. Я перешел на быструю рысь. Галопом нельзя – слишком уж неудобный тоннель. Через несколько минут выбрался наружу и огляделся.

Еще утро, но солнце успело нагреть поле, день будет жарким. Гроза так сюда и не дошла, наверное, пролилась где-то за лесом, в Мертвой степи. В воздухе чувствуется влага, но это ненадолго. В поле вообще влажный воздух – редкость.

Ферма осталась далеко позади, но даже отсюда видно красный огонек над домом. Принюхался, ах ты черт – не чую. Ветер с моей стороны. Надо шевелиться, гвардейцы без собак, но все равно не уютно, когда знаешь, что твой запах разносится по всему полю.

Перекидываться не стал, ухватил поудобней штаны и кинулся в глубину Изумрудного леса.

Когда удалился на приличное расстояние, решил передохнуть и собраться с мыслями. Надо, в конце концов, понять

– что делать и куда идти.

Я стукнулся головой о ближайшее дерево, ствол отозвался недовольным гудением. В макушку ударилась пара желудей, не больно, но настойчиво. Будь я эльфом – извинился бы перед дубом. Но я, слава богам, не эльф.

Все снова стало обычным – деревья, как деревья, трава, как трава. Никаких тебе звуков за версту, ни запахов. Только шелест листвы, да шорохи в кустах. Хоть на этом спасибо. Людям сложно обходиться таким скудным набором чувств, потому вечно придумывают новые способы защиты. Мечи, топоры, ятаганы. Хотя нет, ятаганы – это у гоблинов.

Я натянул штаны и подвязал вшитой веревкой. Удобное устройство, особенно, если постоянно перекидываешься в кого попало. Немного посидел под деревом, вычищая грязь между пальцами.

Значит, Ильва придумала безумный план по захвату Центральных земель и, видимо, Восточного края. Чтобы обезопаситься от единственных серьезных врагов – воров, решила превратить нас в мерзких чудовищ, которыми может руководить. Короля связала поручками ногам с помощью умирающей принцессы. Получила серьезное влияние на двор, но этого Ильве, естественно, мало. Алчная тварь. Но план хороший.

Действительно, лучше отсидеться в Межземье.

Внутри зашевелился червячок сомнения – а как же стая? И другие ворги, которые попадут в лапы нежити. Будут по-

рабощены?

Я тряхнул головой, выгоняя беспокойные мысли. Из стаи ушел по всем законам. Как они теперь и что – их личное дело. Остальные ворги – на то они и ворги, чтобы уметь позаботиться о себе.

В Межземье, так в Межземье. Там хоть и безвластие, зато хоть таверны нормальные.

Я поднялся и двинулся на восток, сквозь заросли крапивы.

Плотная ткань штанов не дает жгучим волоскам добратся до кожи. Хорошо, что торговец в городе убедил купить. Я еще жмотился – четыре серебряных это не слабо. Но торгош убеждал, что таких штанов больше нигде не найду, клялся в безусловной прочности и легкости. В общем, купил, и теперь рад.

Солнце пробивается сквозь листву, лучи рассыпаются солнечными зайчиками по земле. Изумрудный лес назван так из-за того, что осенью листья на деревьях не желтеют, а начинают пылать ярким зеленым светом, похожим на цвет изумрудов из Черных рудников. Рудники не видел, но много слышал. Сейчас лес не отличается от других, если не считать, что теперь тут шатается нежить. Хотя не знаю, может в других лесах тоже шатается.

Слева хрустнуло. Я резко обернулся, в кустах шиповника застыла вытянутая рожа с пятном серой гнили на щеке. Волосы на половине головы отсутствуют, кожа тоже, правая

часть черепа белая и блестящая, как очищенное яйцо.

Глаза мертвяка немигающее уставились на меня, во взгляде безнадежность и смирение.

Я глухо зарычал и присел, изготавливаясь к атаке, губы расплылись в хищной ухмылке.

– Страшно тебе? – спросил я, вытягивая клыки. – Нежить.

В груди все заклокотало, ярость накатилась плотной волной и превратила кровь в венах в кипящую лаву. Перекидываться не стал, достаточно клыков и когтей, чтобы разорвать мертвяка на части. А потом, с наслаждением хрустеть нежными косточками.

– Молись Ильве! – проревел я и кинулся на полутрупа.

В этот момент, мертвяк с неожиданной прыткостью отскочил назад. Откуда-то раздались хриплые голоса:

– Руби канаты!

– Не дайте ему удариться головой!

– Осторожно, не подходите к краю!

В прыжке успел подумать – к краю чего? Ответ появился подо мной в виде глубокой ямы с широким дном и узким входом. Сверху что-то упало, я попытался перевернуться, но запутался в сетке. Через секунду стукнулся боком о дно и перекатился на спину.

Сквозь дырки в сетке увидел, как за край ямы заглядывают изъеденные гнилью лица. Когда-то были вполне себе человеческими, возможно, даже красивыми. Теперь это всего лишь живые трупы, которые сами удивлены собственной

смелости. Нежить, лоящая ворга – что-то совсем не возможное.

От веревок пахнет чем-то знакомым и сладковатым. Секунду пытался вспомнить, и тут осенило – батлок.

Глава 4

Пока нежить удалилась размышлять, как еще больше обезопаситься, я пытался удариться головой обо что-нибудь твердое. Пол ямы целиком состоит из земли, перемешанной с глиной, и все попытки потерпели провал. Кроме того, мертвяки предусмотрительно пропитали веревки бетелем. Я-то думал, он влияет на превращение, только если принять внутрь.

Спустя полчаса ползания нашел окаменевший кусок глины и, как следует, стукнулся. Перекинуться в мышь или крысу сейчас самое то.

Из глаз посыпались искры, острая боль растеклась по затылку. Обычно оборот поглощает все ощущения, но сейчас превращения не произошло. На затылке теперь будет огромная шишка, а я все еще пленник в яме у мертвяков.

Значит, контакт с бетелем тоже блокирует оборот. Прекрасно, буду знать. Главное понять – как это применить.

Поковырялся в памяти, глядя на небо сквозь зеленые кроны. Гоблин говорил, надо воды попить и подождать. Только воды нет.

Чувство беспомощности вызвало новый приток ярости, я зарычал в бессильной злобе и дернулся в сторону в надежде, что сетка где-нибудь прорвется. Но мертвяки и это преду-

смотрели – оставили веревки мокрыми, а такие только троллю по зубам.

Доберусь я до вас, полутрупы! Костей не соберете, в прямом смысле.

– Что вам надо? – зарычал я. От злости голос стал похож на медвежий.

Из-за края снова появилось лицо мертвяка, видимо, главный. На груди сверкает здоровенная колба, у рядовых, обычно, поменьше.

Он чуть наклонился, мутные глаза прищурились. Из-за гнили нос провалился, волосы полностью выпали, но кожа почти не сморщилась, только челюсть немного отвисла.

– Ты не такой страшный, как говорят, – сказал мертвяк шипящим голосом.

– Погоди... – процедил я.

– Думал, будет труднее, – продолжил полутруп. – Готов ли ты, зверь, пополнить непобедимые ряды нежити?

Мне аж поплохело. Помню, что рассказывал Курт о задумке Ильвы, но это казалось далеким и не реальным. А тут вот они, трупяки, увлекают меня к себе.

Я с трудом перевернулся, лежа попытался выпрямиться – ноги быстро затекли в неудобном положении.

– Не дожدهшься, – ответил я зло. – Лучше себе горло перегрызу.

Мертвяк захихикал и пнул землю. Мелкие крупинки посыпались с края ямы прямо в глаза. Роговицу сразу больно

защищало. Самое обидное – даже потерять не могу, руки запутаны.

– Я посмотрю на это, – прошипел он, словно лопнувший пузырь. – У тебя будет такая возможность, когда перейдешь к нам. Нежить могущественна.

С этими словами он отсоединил кисть от руки. Из раны капнуло несколько капель вязкой жижи со знакомым запахом. Едва успел увернуться, чтобы не попало на лоб. Затем мертвяк приложил конечность обратно. Тихо чавкнуло и кисть снова приросла на место. Он довольно пошевелил пальцами, на перекошенном лице появилась ухмылка.

Я хотел бросить что-нибудь резкое, но передумал. Лучше помалкивать, так им будет сложнее найти ко мне подход, если, конечно, станут искать.

Мертвяк скрылся, а я остался на дне ямы, предоставленный сам себе. Это главная ошибка. Нельзя оставлять ворага без присмотра, даже если в плену.

Мокрые веревки, пропитанные бетелем – это, конечно, разумно. Но когда-нибудь они высохнут. А озвериться, поднапрячься могу и в человеческом облике, этого мертвяки не предугадали. Нужно только немного подождать.

Около часа пришлось лежать почти неподвижно в открытой позе, чтобы сетка подсохла. Слышно, как наверху нежить тихо переговаривается загробными голосами, что-то обсуждает, спорит.

От земли тянет промозглым холодом и сыростью. Спина

задубела, онемела шея. Я чуть приподнялся на локте и покрутил головой. Кровь из всего тела в один момент устремилась в череп, перед глазами забегали крошечные звездочки. Дождавшись, пока прекратится мельтешение, я ухватился за веревки и потянул в разные стороны.

Волокна затрещали, но не поддались. Спустя пять минут безуспешных попыток, понял – тянуть надо всем телом. Сто раз пожалел, что не могу перекинуться, иначе уже давно был бы на свободе и с полным желудком. Как они вообще умудрились меня поймать? Странно, что не услышал и не учуял. Магия замешана. Это все Ильва, чтоб ее!

Пока думал, голоса наверху стали оживленнее, если это применимо к нежити. Послышалась беготня и стук камней.

– Кристаллы ставь по кругу, – захрипел кто-то из мертвяков. – Призыв не работает, если криво будет.

– Ты слишком беспокоишься, – ответил другой сильным голосом. – Ильва не придиричива к обстановке, а вот за негодный результат может оторвать голову.

Я наострил уши. Если они готовы призвать Ильву прямо сюда – плохи мои дела.

Нежить продолжил:

– Я уже давно под знаменем королевы нежити. Она строга, вспыльчива, но справедлива. Заслужить ее благосклонность непросто, но если удалось, считай – обрел бессмертие.

– Мы ж и так бессмертные, – отозвался другой голос.

Кто-то хрипло прогудел:

– Ты называешь бессмертием полуразложившиеся кости и выпадающие глаза?

– Что ты несешь, – прошипел первый голос. – Ильва спасла нас!

– От чего? – спросил хриплый.

– От смертей и болезней! – почти прокричал первый. – Она даровала вечную жизнь под своим крылом. Ты должен молиться на нее.

– Лучше б дала сдохнуть по-человечески! – бросил третий.

Послышался шум, похожий на грохот костей. Если бы не знал, что нежить все-таки обтянута кожей и жилами, решил бы, что упал скелет. Думал, сейчас начнется бойня, но потасовка быстро прекратилась. Все же воины Ильвы в основной массе преданны ей, что среди людей и гоблинов, например, редкость.

– Если я еще раз услышу от тебя что-то подобное, – пригрозил первый, – притащу в людскую деревню и брошу там. Посмотришь, как бывшие собратья тебя примут.

Снова раздался звонкий удар по костям. Наверное, вожак долбит черепом подчиненного о камень.

– Знаешь, что будет? – хрипел он, стук продолжался. – Знаешь? Тебя разорвут на части, натравят собак, или еще хуже – воргов! Ты больше никому не нужен, пропащий. Никому. Лишь ее темнейшеству.

Стук прекратился, сверху донеслись жалобные стоны. Не

думаю, что нежить способна испытывать боль, но, похоже, с обидой знакомы.

По шелесту травы понял – поколоченный мертвяк отполз от греха подальше и затих в кустах. Пока они занимались подготовкой к призыву, я извернулся и зацепил носками нижний край сетки, руками натянул верхние веревки.

Пришлось изогнуться всей спиной и напрячь локти. Показалось, что мышцы в ногах затрещали. Лишь когда напряжение в локтях оборвалось, понял – трещала высохшая сетка.

Когда с ней, наконец, было покончено, я вскочил на ноги и приготовился, как следует, шарахнуться об окаменевшую глину.

С поверхности снова донеслось:

– А я говорю, ставь ровнее. Помнишь, как получилось, когда чародей явился?

– Как? – не понял собеседник.

Послышалось тихое шуршание, похожее, на вытаскивание из мешка чего-то большого. Я настороженно застыл, потягивая воздух, но в яму ветер не тянет.

– Не помнишь что ли? – удивился мертвяк. – А, да. Тебя ж еще не было. Так вот, пару дней назад к Ильве являлся чародей. Как раз призывали для обращения воргга. Из-за криво поставленных кристаллов ее темнейшество и чародей образовались в одном месте. Паники было...

Я весь превратился в слух. Зачем королеве нежити чаро-

дей? Чародеи могущественны и опасны.

Подойдя к стене ямы, я привстал на носочки, но до края все равно не дотянулся – чертовы полутрупы, на славу постарались.

Свежерожденный мертвяк спросил:

– Чародей сильно бушевал?

– Чародей? – снова изумился бывалый. – Да что ему будет? Он же из магии соткан.

– Ну-у, – протянул молодой. – Ильва тоже может обращаться духом.

– Может, – согласился другой. – Но не положено, чтобы призываемые в одном месте появлялись.

Первый мертвяк поинтересовался:

– С каких пор она с чародеями водится?

– Да откуда я знаю, – бросил полутруп. – А вообще, не понравился он мне. Слишком непонятный. Видно – знает много тайн. Про талисман с таким видом говорил, что аж взлетел.

Голос молодого стал любопытным.

– Какой талисман?

– Да какой-то Золотой Талисман, вроде упадет совсем рядом, на горе Ир. У нас, в Мертвой степи.

– А зачем он? – не унимался мертвяк. – И как получилось, что ты обо всем слышал?

Голос старого полутрупа стал раздражительным и резким.

– Я, если хочешь знать, – сказал он грозно, – один из при-

ближенных ее темнейшества и всегда в курсе дел. Талисман дает безграничную силу и могущество, для Ильвы это как раз то, что нужно. С его помощью, наконец, перестанем быть вечно презренными изгоями. И вообще, хватит задавать вопросы, ответы на которые твоя гнилая башка не способна понять. Иди за столбами. Ее темнейшество сама должна ворга привязывать?

Я дернулся, услышав упоминание о себе. Из-за разговора так увлекся, что забыл – я пленник, ждущий позорной расправы и рабства.

Несколько секунд переваривал услышанное. Потом мысли понеслись со скоростью молнии. Значит, Ильва охотится за неким Золотым Талисманом, чтобы заполнить мир своими подданными. По земле станут расхаживать полутрупы, как в Изумрудном лесу, чинить беспредел, никто не сможет им помешать, потому, что воров превратят в себе подобных.

Аж во рту пересохло от мысли, что в мире вдруг воцарилась Ильва. Надо что-то сделать. Я, конечно, одиночка, ушедший из стаи. Но так все ворг делают, чтобы создать свою. А со мной вообще разговор отдельный. Но что такое стая, если тут такая беда?

Но как справиться одному? Обратишься к гномам – заломят небывалую цену. Эльфы вообще отвратительные снобы, с ними лучше вообще не связываться. Кто там еще есть? Люди?

Даже смешно стало – обращаться к людям за помощью

самое последнее дело. Они слабы и ненадежны, без принципов и правил.

В груди заклокотало, еле сдержал звериный рык. Ладно, потом разберусь, главное выбраться из ямы и уйти подальше от нежити с их полудохлой королевой.

Я развернулся и, что было сил, ударился о камень в глине. В глазах вспыхнули искры, мир завертелся и остановился лишь тогда, когда ощутил, что стою на четырех конечностях.

Одежда ворохом свалилась на голову. Несколько секунд ползал по собственным штанам в поисках свободы.

Наконец удалось вылезти. Лапки сразу утонули в земле. Оказывается, она рыхлая, а когда был человеком – даже не заметил.

Повертел головой. С короткой шеей не удобно, пришлось приподняться на задних лапах. Все огромное и расплывчатое. На расстоянии чуть больше людского шага мир превратился в мутное пятно. Зато звуки и запахи заменили плохое зрение. Голоса нежити стали четкими, показалось – мертвяки стоят прямо на краю ямы.

Несколько секунд прислушивался – не увидел ли кто. Убедившись, что оборот остался незамеченным, шевельнул длинным, как червяк, хвостом и кинулся к большому темному объекту. Пока был в человеческом облике, на том месте стояла вполне себе стена.

Наконец, приблизился, картинка стала четкой – серо-коричневые крупинки и прожилки корней. Внутри стены ше-

веление, из земли тянется запах сочных, жирных червей. Очень трудно не думать о еде, когда тымышь.

Я собрал волю и стал рыть. О расстоянии постарался забыть – это точно отобьет крохотному тельцу любое желание работать.

К тому же, остался без одежды.

Пообещав, что больше никогда не обернусьмышью, я погрузился в лесную почву.

Глава 5

Прошло не меньше часа, прежде чем решился копать вверх. Лапы устали, в глаза насыпалось земли, вдобавок, на пути попадаются жирные черви. Еле сдерживаюсь, чтоб не впиться зубами в склизкие жгуты. Никогда больше мышью. Никогда.

Наконец, выбрался на поверхность. Долго соображал, что за серые стены вокруг. Потом догадался – трава. Мышиное зрение не различает зеленый цвет, зато обоняние и слух почти как волчье.

Несколько секунд прислушивался. Голоса нежити слышны далеко в зарослях, но что-то подсказывает – расстояния и размеры в этом облике искажены. Мертвяки могут стоять за соседним деревом.

Я припустил на всех четырех лапах. Не знаю, как грызунам удается справляться с хвостом – длинные отросток волочится сзади, цепляет палки и листья. Маленькие палочки колют незащищенную кожу и противно царапают.

Когда отбежал на достаточное расстояние, маленькие лапки стали трястись от напряжения. Сердце тарабанит, как после гонки за ланью.

Разбежавшись, я шарахнулся крошечным черепом обо что-то большое и темное. По телу прокатилась горячая вол-

на, меня резко растянуло, кости затрещали.

Темная стена перед глазами быстро уменьшилась и превратилась в старый пенёк изумрудного дерева. Хорошо, сейчас не осень, иначе даже трухлявая колода вспыхнула бы зелеными искрами. Шерсть точно подпалил бы.

Я с трудом поднялся на ноги, шатаясь, подошел к толстому стволу и уперся лбом. Резкое изменение мира от большого к привычному на секунду смешало ощущения. В конечностях слабость, все-таки долго рыл землю. Лесная почва достаточно мягкая, но руки с непривычки трясутся, а ноги подкашиваются.

Несколько минут приходил в себя. Сил нет, в голове бардак и мельтешение. Ощущение, что неделю землянки копал.

Долго думал, в чем дело. Наконец, дошло – слишком давно не ел мертвячьих костей.

Смешно, лес полон нежити, а меня ломает от их нехватки. – Не годится, – сказал я себе, – нужно выследить одиночку.

Я покрутил головой, будто вот прямо сейчас из кустов появится мертвяк и уляжется калачиком на тарелку. Нынче сказать легче, чем сделать. Нежить особо не возмущалась, когда ворги таскали одиноких полутрупов, что забредали в Изумрудный лес. Но когда стаи начали совершать набеги на Мертвую степь – стали ходить группами.

Ильве это, видимо надоело, вот и ломится на царство. Вроде не плохо – много нежити, много еды. Но когда добыча

начинает охотиться на хищника, это как-то не правильно.

Через несколько минут головокружение прекратилось. Я отшагнул от ствола и с силой потер щеки. Под пальцами зашуршало от трехдневной поросли. В отличие от большинства воргов, я предпочитаю сбривать щетину, чтобы не бросаться в глаза в людских поселениях. Теперь придется где-то искать цирюльника, или хотя бы острый нож. Обычно сам справляюсь, но цирюльник быстрее.

Сейчас первый вариант не подходит, одежду пришлось оставить в яме, и я стою голый посреди леса. Только штаны жалко, материал хороший. Тьфу ты! Проклятая нежить.

Пока размышлял, что делать и как перемещаться в таком виде, слух уловил скрип колес. Я развернул голову правым ухом, в человеческом облике оно лучше работает.

Прикинул – меньше трети версты. Деревья искажают звук, может показаться, что до телеги идти и идти. Но вот тут чуть громче, ага... тут выше. Значит, дорога проходит совсем рядом. На людей нападать не люблю, но что делать – надо где-то штаны взять.

Я тряхнул головой, окончательно выгоняя мышинные воспоминания о жирных червях и белых личинках, и осторожно потрусил на звук.

Скрип становился все ближе, я приготовился разбежаться и выпрыгнуть на дорогу – путники сперва оцепенеют, пока будут соображать, успею растолковать кто тут главный и почему.

Справа подул легкий ветерок, нос уловил запах полутрупов.

– Да что ж такое! – прошептал я в гневе. – Штаны спокойно отобрать не дадут.

Решил отсидеться. Не охота снова попадаться в отпадающие руки мертвяков. На секунду даже стыдно стало – прячусь от нежити, как какой-то человек. С другой стороны, когда нежити много, даже самый могучий ворг не справится, пусть даже трижды медведем обернется. Еще и батлок этот.

Я присел под кустом шиповника и затаился. Мелкие травинки неприятно щекочут зад, колючки царапаются. Жаль, что людское тело почти безволосое, сейчас бы и штаны не понадобились. У меня только руки волосатые, ну и щетина растет, как терка.

Скрип колес донесся совсем близко, раздался хриплый крик:

– Вперед!

Нежить с булькающими сипами повыскакивала из-за деревьев и накинулась на повозку или что там едет. Испуганно заржали лошади. За ветками ничего не видно, но стоны телеги и грохот сабель слышны прекрасно.

Донесся предсмертный стон, кажется, возничего. Жаль, они обычно вообще не причем. Но решил не вмешиваться – это не мое дело. Мое – найти штаны, одинокого мертвяка и успеть перехватить Талисман раньше Ильвы.

В экипаже кто-то тоненько взвизгнул:

– Нет! Что вы делаете!

– Не бойтесь, госпожа! – послышался отчаянный мужской голос. – Я смогу вас защитить!

Потом услышал злорадный хохот, больше похожий на клокотанье. Зазвенел металл, донеслась ругань, которую гвардеец вряд ли позволил бы себе в других обстоятельствах.

Он держался достаточно долго, но, в конце концов, раздался сдавленный крик. Я покачал головой – эх, парень, их слишком много. Даже я не сунулся, куда уж тебе.

– Не смейте! – снова раздался тонкий голосок. – Вы не знаете, кто я такая! Как вы можете! Вас казнят!

– Мы и так мертвы, – усмехнулся один из мертвяков.

Другой произнес протяжно, даже почтительно:

– Да хранит тебя вечная тьма...

Внутри что-то шевельнулось. Нет, не суйся, напомнил я себе. Мне нужны лишь штаны. Что там творят мертвяки – их лично дело.

Из экипажа донесся пронзительный крик, через секунду я обнаружил себя в толпе нежити, раскидывающим полутрупы в стороны. Чертовы инстинкты, подумал я, вырывая кадык у очередного мертвяка.

Увидев меня, нежить полезла со всех сторон. Рожи перекошены, у одного вообще нет челюсти. Тот, что был ближе всех, захрипел, вскидывая саблю:

– Ворг! Ильва будет рада!

– Угадал, задохлик, – прорычал я в толпу. – Но не совсем.

Оскалившись, я стал лицом к гнилолицей толпе. Мертвяки на секунду замерли, все-таки перед ними ворг. В глазах ненависть и страх, сабли блестят в лучах солнца. Их не меньше полсотни, все вооружены, и каждый жаждет выслужиться перед Ильвой.

Покосившись на экипаж, я повел носом – пахнет приятно. Девушкой. И не просто дочкой сыровара, а кем-то очень чистым и ухоженным.

Быстро перевел взгляд обратно. Самое разумное – развернуться и бежать, а потом хранить позорную тайну до конца дней.

Не успел додумать, как понял, что несусь с оскаленными клыками на нежить.

Полутрупы с непривычной быстротой обступили меня и всей массой накнулись со всех сторон. Послышались победные хрипы.

Я рвал и грыз, не видя, за что хватаюсь, пальцы все время попадали во что-то мягкое и липкое, в лицо летели брызги застоявшейся крови и слизи. Во рту поселился сладковато-металлический привкус, по подбородку текло вязкое.

Не знаю, сколько времени вертелся в толпе нежити, но неожиданно поток мертвяков стал реже, кое-где в просветах проявился лес. Они нападали, но уже с меньшим энтузиазмом, будто поняли, что не справятся.

В голове пульсирует мысль – я смог. Чтоб вам вечно в склепе гнить, я смог!

Эта придало сил. С медвежьим ревом даже без превращения ринулся на оставшихся мертвяков, набегу ломая хребты. Оставшаяся стайка нежити бросилась в рассыпную, удивительно быстро перемещаясь на гнилых ногах. Пришлось бегать за каждым и добивать. Если уцелеет хотя бы один – обязательно доложит, остальным, а у меня и так забот выше крыши.

Наконец я замер с чьей-то кистью в кулаке и повертел головой. Сквозь красную пелену разглядел горы мертвяков вокруг экипажа, оторванные руки и ноги. Дорога залита зелено-коричневой жижей вперемешку с пылью.

На козлах в неестественной позе замер возничий, глаза раскрыты, мертвый взгляд устремлен в небо. Бедняга, наверное, даже понять ничего не успел, умер от страха.

Лошади стоят, как статуи, даже хвосты висят неподвижно. Наверное, оцепенели от ужаса. Глаза круглые, подстриженные гривы топорщатся, словно щетки.

Я вытер губы тыльной стороной ладони и, не глядя, вгрызся в конечность мертвяка. Косточка сочно хрустнула на зубах, в горло потекла блаженная жидкость – особый костный мозг нежити, помогает при обороте. А то совсем ослабел после мышинного побега.

От воспоминаний даже передернуло – не дело это, вору в мышь перекидываться. Одно дело уметь, другое – перекидываться.

Я дожевал кость и подошел к экипажу. Возничий пример-

но моего размера, штаны, конечно не так хороши, как те, что купил у торговца, но на безлюдье и гном человек.

В целом, штаны добротные с широким кожаным поясом, материал тонкий, но чистый. Надеюсь, задняя часть тоже.

Пока размышлял над штанами, в экипаже послышалось шевеление, в дверце появилась рыжая головка с растрепанной прической. Раньше она была, вероятно, похожа на закрученную башенку. Теперь же волосы просто торчат в стороны из покосившегося столбика.

Девушка сдунула со лба прядь и повернула ко мне кукольное личико с васильковыми глазами.

– Ой! – вскрикнула она и скрылась в экипаже. – Пожалуйста, не трогайте меня! Отец заплатит, сколько скажете, если доставите в целости и сохранности.

Только сейчас вспомнил, что все еще голый.

Я поспешно стянул штаны с возничего, встряхнул и быстро оглядел критическим взглядом. К моему облегчению, они оказались чистыми с обеих сторон, разве что на пятой точке пристрочена кожаная вставка. Видимо, чтобы не натирало при верховой езде. Хотя не знаю, зачем возничему ездить верхом.

Торопливо всунул ноги в штанины, долго возился с замысловатым замком на поясе. На кой пень делать такие застежки! А если по нужде приспичит? Надо будет веревку вместо этой ерунды вставить.

Я отряхнул пыль и проговорил бодро:

– Эй, ты там в порядке?

Девушка бесшумно сидит в экипаже, даже дыхания не слышно. Мой голос её не особо вдохновил, но раздался шорох, будто кто-то двигает ящики под дверь. Глупая, при желании я и крышу проломить могу.

– Не бойся, – сказал я, стараясь, чтобы голос звучал дружелюбно. – Они все издохли. Уже во второй раз. После такого не встают.

Видимо, слова прозвучали не убедительно, снова послышалось шуршание. Я подошел к дверце – прозрачное окно забаррикадировано сундучками и шкатулками.

В целом, дело не мое. Вроде живая, а дальше пусть что хочет делает. Штаны добыл, да и мертвячьи косточки в самый раз. Можно разворачиваться и топать на все четыре стороны.

Из экипажа донеслось:

– Ты ворг. И ты... Ты голый!

– Я уже одетый, – поспешил сообщить я. – И даже сытый.

Осторожно постучал в дверцу, внутри глухо бухнуло и грохнулось о противоположную стену. Я зарычал на себя. И так уже влез в чужие дела, теперь еще совесть проснулась. Возиться не хочется, но если бросать, то целую и невредимую.

– Слушай, – начал я и наклонился к повозке, – у тебя все нормально? Если так, то я пошел, дел невпроворот.

В ответ молчание, я продолжил:

– Не хочется светиться перед нежитью. Хотя эти уже ни-

чего не расскажут. Но чую нутром – новая партия мертвяков близко.

Из повозки послышалось шуршание, что-то стукнуло.

– Ты бросишь меня здесь одну? – раздался изумленный голос.

Я пожал плечами. Для ворга это обычное дело, тем более, и так вмешался больше положенного. Долгов перед ней не имею, а вот она – да. Но требовать отдачи нет ни желания, ни времени.

– В общем-то, брошу, – согласился я, отходя в сторону.

На некоторое время воцарилось молчание. Пока ждал ответа – разглядывал обновку. Штаны сели хорошо, даже замысловатый пояс удобный, если наловчиться быстро расстегивать. Держит хорошо, не ездит. На правом колене небольшая дыра, но это мелочь.

Наконец в повозке снова зашевелилось, послышался грохот сундуков и шкатулок. Через некоторое время окно освободилось, дверца запахнулась и в дорожную пыль опустилась маленькая ножка в кожаной туфельке.

Слегка наклонив голову, чтобы не зацепиться за рельефный узор над дверцей, девушка вылезла из повозки. Голубые глаза сердито сверкнули. Маленький носик аккуратно вздернут, кожа чистая, как весеннее утро. Прическа окончательно растрепалась и локоны свободно ниспадают на плечи. Платье слишком роскошное для путешествий – зеленый шелк с золотыми нитями, каемки в жемчугах. Хотя кто знает этих

господ – может ей удобно в пышной юбке и корсете с глубоким вырезом. Даже на неловко как-то, пришел тут, раскидал нежить, погрыз кости и стою в одних портках с окровавленными руками.

– Гм, – кашлянул я и отвел взгляд, стараясь не смотреть на вырез. – Все нормально?

Девушка быстро окинула себя критическим взглядом и отряхнула верхние юбки.

– В целом, да, – ответила она и снова строго посмотрела на меня. – Но бывало и лучше.

Я хмыкнул одобрительно. Вот это выдержка – только что пережила нападение толпы полутрупов, а теперь разговаривает с воргом посреди леса. И не трясется, хотя всего лишь человек.

– Руки-ноги целы? Ходить можешь? – спросил я.

Она кивнула.

– Ну и отлично, – сказал я с выдохом. – Тогда можешь отправляться по своим делам. Желаю удачи.

С этими словами я развернулся и зашагал прочь. Нужно успеть добраться до Мертвой степи. Хотя не представляю, как опередить Илью. Придется ломиться через Абергудские топи, а там... какой только дряни не водится. Не знаю, как стаи ходили сквозь болота.

От мыслей о гиблом месте, шерсть на загривке встала дыбом. Я лязгнул зубами и зарычал для поднятия боевого духа.

– Эй! – раздался возмущенный голос за спиной. – Ты не

можешь вот так уйти!

Девушка явно недовольна, сейчас потребует, чтобы доставил ее куда попросит, наобещает кучу золота, которую обязательно выдаст счастливый отец, когда увидит дочь целой и невредимой. Все это я уже видел и проходил. Обычно, когда первая радость проходит, наступает время сожалений о потерянном богатстве и чрезмерном расточительстве. Вроде, можно было и поменьше награду выдать. Зачем вору столько денег? Штаны и рубаха стоят не дорого, обувь ему не нужна, да и на лошади не ездит. И вообще, можно было не награждать. В конце концов, вернуть дочь в лоно семьи – святая обязанность каждого. За это награда не полагается.

После этого вопрос о золоте деликатно заминается. Если успели заплатить, а ворг ушел – даже гвардейцев могут выслать. Попытаются отобрать. У меня-то не отбирали – уползали побитые и оборванные, но кому-то могло повезти меньше. Учитывая нынешнюю ситуацию, вообще нельзя показываться ни среди людей, ни среди гномов, ни среди кого-то еще.

– Могу, еще как могу, – бросил я через плечо.

Послышался глухой стук каблучков и шорох не в меру длинной юбки.

– Но ты спас меня! – крикнула она в отчаянии. – Так не делают!

– А как делают?

– Ты должен доставить меня домой! – выдохнула девуш-

ка. – Точнее не домой, а в гроты. Но точно должен!

Я чуть замедлил шаг, но не остановился, не дай боги решит, что меня легко переубедить.

– Деточка, я тебе ничего не должен, – сообщил я будничным тоном. – Своему спасению ты обязана инстинктам, а не сознанию. А оно всеми силами пыталось удержать. Так что, честь имею. Или не имею.

Она не отстала, шорох юбок приблизился. Наверное, тащит за собой дорожную пыль и оставляет длинный след.

– Но отец, он не вынесет, если со мной что-то случится, – обреченно сказала она. – Меня специально отправили в Сокрытые гроты, в королевстве не спокойно из-за Ильвы.

– Твоя правда, – согласился я. – Не знаю, как в Центральных землях, но в Восточном крае полный бардак.

Она сказала печально:

– В центре тоже. Это все я виновата.

Я остановился и обернулся. Девушка замерла на середине дороги с опущенной головой. Рыжие локоны треплются от ветерка, подол юбки покрылся серо-коричневой пылью, и вообще – она плохо вписывается в окружение изумрудных деревьев. Такой самое место сидеть во дворце и сжимать фарфоровую чашку изящными пальчиками.

– А вот теперь поподробнее, – сказал я.

Она тяжело вздохнула и проговорила так тихо, что пришлось напрячь слух:

– Отец пошел на сделку с Ильвой ради меня.

Картинка, наконец, сложилась в одну. Резная повозка, ухоженные лошади, штаны с замысловатым ремнем, наряд на десяток золотых.

Я спросил изумленно:

– Ты принцесса?

Она кивнула.

– Да. Горе-принцесса.

Я задумался. Что делать с изнеженной принцессой, да еще в опасном путешествии? Тащиться во дворец – последнее, что станет делать разыскиваемый ворг. Кроме того, мне действительно без разницы, что с ней дальше случится. В конце концов, надо было охраны больше давать. Не больно-то король переживал, отправляя дочь через лес, полный нежити, в сопровождении возничего и одного гвардейца. Тот сражался храбро, но что такое человеческий гвардеец против полсотни мертвяков?

– Что ж, – сказал, наконец, я. – Наверное, принцессой быть хорошо, но это ничего не меняет.

– Что это значит? – спросила она.

– Я не могу тащить тебя за собой, – пояснил я. – Тем более, ты ведь действительно, от части, виновата в этом бедламе.

Девушка подняла на меня голубые, как небо глаза. В них задрожала влага. Она секунду смотрела на меня, потом всхлипнула и спрятала лицо в ладонях. Плечи затряслись от рыданий, даже страшно стало – как истерика изменяет жен-

щину.

Не выношу слез, ни воровских, ни человеческих. Есть в этом что-то противоестественное, будто тебя обманывают самым подлым способом и совершенно этого не скрывают. И запах у слез ужасный. Не то, чтобы плохой, но от него теряешь волю и концентрацию.

– Ну, перестань, – не выдержал я на конец. – Слезами горю не поможешь. Я действительно не могу тебя взять и отвести домой, или куда там надо.

– В гроты, – подсказала она всхлипывая.

– Вот-вот, – согласился я. – В гроты. Туда тоже не могу.

– Почему-у-у, – протянула принцесса сквозь ладони.

Я раздраженно зарычал и проговорил:

– Во-первых, времени мало. Во-вторых, ваш брат, сама знаешь, отлавливает нас, как диких зверей. А мне не очень хочется на псарни.

Она еще сильнее зашлась в плаче. Я заткнул уши и сморщился – невыносимо. Чувствует она что ли, как у меня крышу сносит от истерики.

Несколько минут она редела, как раненная лиса, терла кулачками глаза и прикрывала нос. Губы распухли, веки покраснели, но даже в таком виде она все еще красавица.

В конце концов, я не выдержал и рявкнул:

– Хватит!

Она тут же замолчала и уставилась на меня круглыми глазами. Мокрые ресницы блестят на солнце, грудь часто взды-

мается. Конечно. Не получилось истерикой, будет пробовать всякие женские штучки.

– С меня довольно. Удачи, – сказал я резко, развернулся и побежал по дороге.

Бежал около полу часа, все время думая – что будет с этой дурехой. Девушка одна, в Изумрудном лесу. Первый же разбойник разделается с ней известным способом. Хотя девка хитрая, может убедить не трогать, доставить куда надо. Если правильно поманить золотом – любой задумается. Особенно люди. У них к деньгам особая страсть.

Убеждая себя, я добрался до развилки. На обочине торчит невысокий столбик с двумя дощечками, вырезанными в форме стрелок. Время и шашель их не пожалело, поверхность изъедена длинными бороздами, кое-где сквозные дыры. Надписи поистерлись, пришлось потратить пять минут, чтобы разобрать, какая дорога куда ведет.

– Абергуд, – прочитал я вслух и поплевал на пальцы, чтобы стереть куски грязи с дощечки.

Дорога в топи ведет налево и теряется где-то в тумане. Вот уж точно – болота. До них неизвестно, сколько верст, а дымку аж отсюда видно. Жуткое место, эти Абергудские топи.

Когда был детенышем – нас пугали кровожадными болотными тварями. Они обязательно придут, если не слушаться старших, не мыться и перекидываться без разрешения. До четырех лет оборачиваться можно только под присмотром,

и то ненадолго. Иначе заиграешься и не вернешься в человеческий облик. Дети податливы для воровства, не заметишь – как уже и лисой быть вполне привычно, да и превращаться обратно не охота. Бегай себе, лови мышей.

Я отошел в сторону и сел под куст, чтобы как следует обдумать план действий. Что там говорил мертвяк? С чародеем Ильва разговаривала два дня назад. Тот обещал талисман через три. Значит, у меня в запасе сутки, чтобы добраться до горы Ир через Абергуд и Мертвую степь. Главное не помереть где-нибудь по дороге.

Не знаю, что хуже – полная неизвестности трясина, или полчища нежити, которые шатаются по полям. Вообще-то, одинокая нежить, это хорошо – еда, кости, все прекрасно. Главное не попадаться на глаза отрядам или как там они организуются. Еще понять бы, где эта гора.

Мысли настолько увлекли, что не заметил как переменился ветер. Что-то не везет в последнее время с ним – все отменяя дует. Я резко обернулся и приготовился к атаке.

Глава 6

На дороге застыла принцесса и виновато хлопает ресницами.

Я зарычал от раздражения – ну что этой дурехе от меня надо?

– Ты как меня нашла? – спросил я.

Она немного помялась, накручивая рыжую прядь на палец, и отшагнула назад.

– Просто шла следом, – ответила она робко, так робко, что покраснели щеки.

Но меня этим не пробить, видал я, как даже гоблины теряют голову рядом с очаровательными человеческими девушками. Есть в них что-то притягательное. Слабые, незащитные, совсем негодные по ворговским меркам. Это я какой-то кривой – всех сырых и убогих собираю. Только после неудачного приключения с дочерью сыровара дел с людьми иметь не хочется. Бок целый месяц заживал от удара вилами.

– На что надеешься? – снова спросил я, чуть мягче. Неловко как-то рычать на женщину просто так.

В глазах принцессы блеснуло нечто вроде надежды, хотя волосы постоянно лезут ей в лицо, и трудно понять – что там за выражение.

– Надеюсь, передумаешь и возьмешь меня с собой, – про-

изнесла она просто.

Я на секунду оторопел. Встречать упертых девиц доводилось, непонятливых тоже, но такую простую и бесхитростную – впервые.

Грозно надвинув брови, я произнес:

– Человеческим языком, не ворговским, говорю – не могу и не хочу тебя брать.

– Придется, – произнесла она со вздохом.

– Назови хотя бы одну причину, по которой должен это сделать? – поинтересовался я, поднимаясь с земли.

Она поправила волосы и сказала спокойно:

– Ты не сможешь оставить беззащитную девушку одну в лесу.

– Уже оставлял, – напомнил я.

– Да, – согласилась принцесса, – но сейчас не сможешь.

Потому, что я хорошая.

Мне аж смешно стало, вот упертая – напрочь отказывается воспринимать, что ей говорят.

– Может ты и хорошая, – проговорил я глухо. – Но я плохой.

Она подняла пушистые ресницы и посмотрела с такой надеждой и преданностью, что у меня аж зубы свело – нельзя так доверять полужверю.

– Не правда, – произнесла она. – Ты меня спас. Значит, хороший.

– Я ворг, – зарычал я, теряя терпение. – Бесчинствую, жру

в три горла, таскаю дочек сыроваров на сеновал, нападаю, на кого вздумается. Я хищник, многодушец и зверь. До хорошего мне, как до Великого Разлома на улитке.

– Нет, – покачала она головой. – Ты меня не оставишь.

Да что за напасть. С каждой минутой все больше наваливается.

Я пригляделся к лицу девушки. В левом глазу зрачок вытянулся, как у кошки. Похоже на небесный мор. Только у тех, кто им болеет, зрачки просто вертикальные, как трещины в роговице. Нелепые и уродливые.

Говорят, от этой хвори люди начинают видеть всякое. Духов, проходы в другие миры, умерших предков. Но быстро умирают. Врачи говорят, ум человека не способен выдержать истину. Верится с трудом, скорее, больные умирают от лихорадки, трясет их, как березы, об которую медведь чешется.

У принцессы же зрачок совершенно симметричен, будто с таким родилась. На кукольном личике выглядят аккуратно, даже мило. Наверное, вытягивается, когда нервничает, потому что в карете был вполне обычным.

– Послушай еще раз, – начал я. – Мне некогда возится с тобой, тащить к королю, в гроты, пещеры, или куда еще приспичит. У тебя не подходящая одежда для дороги, ты слаба, неумела и бесполезна. Будешь обузой.

– Не буду.

– Помяни мое слово, – пробубнил я. – Нутром чую, гора

Ир не проста, не проста...

– Гора Ир? – спросила она заинтересованно и откинула рыжий локон. – Зачем ты туда идешь?

– Всегда расспрашиваешь незнакомцев о том, что тебя не касается? – сказал я и двинулся по дороге.

Давно нужно было отправиться, иначе рискую не успеть к сроку.

Принцесса осторожно последовала за мной. По грунтовой глухо стучат каблучки. В таких не по пыльным дорогам таскаться, а на светских балах выплясывать. Или, на худой конец, капризно стучать ножкой, если кто-то не вовремя исполнил приказ.

Я прибавил шаг – может отстанет. Пару раз думал перекинуться в волка и удрать подальше, за четырехногим точно не угонится. Но не хочется со штанами возиться – ремень больно тяжелый, челюсть выверну, пока донесу.

По спине прокатилась неприятная волна, шерсть на зашивке поднялась, я потянул воздух, ожидая уловить запах нежити. Но рядом лишь рыжая принцесса с тонким, приятным ароматом. Вроде безопасно, но ощущение слезки осталось.

– Ворг? – послышался за спиной скромный голосок.

Я нехотя бросил через плечо:

– Чего тебе?

– Ты идешь прямо в Абергудские топи.

– Совершенно верное, – согласился я. – В топи, через то-

пи.

– Но там опасно, – изумилась она. – Даже гвардейцы не рискуют туда соваться без надобности. И то, только отрядами.

Я расправил плечи и выпрямился, пусть видит – ворги не только сильны, но и бесстрашны, когда надо. Принцесса, мира не видела, жизни не нюхала. Что там во дворце за существование, особенно у дочери короля Центральных земель? Ей, наверное, даже одеваться помогают, такое платье сама натягивать упаришься.

Прошло около часа. Я молча шагал, оставляя слишком очевидные следы. Сапоги не ношу, даже самый бездарный охотник поймет – тут прошел ворг. Но это не важно, потому, что дорога в Абергуд крайне не популярна, а когда начнется топь – о следах можно будет забыть.

Принцесса настойно следует за мной. Не догоняет, но и не отстает – держится на расстоянии примерно в два волчьих прыжка. То ли боится, то ли не хочет, чтоб опять начал прогонять.

Лес становился ниже, чрез некоторое время превратился в рощу. Расстояние между деревьями постепенно увеличилось.

Одинокие березки у обочин напоминают хмельных плясунов, которые застыли прямо в танце. Мало того, что стволы кривые, так еще и ветки похожи на когтистые лапы.

– Ты совсем не боишься? – спросила принцесса.

По звуку понял – все-таки приблизилась. Страх перед природой оказался сильнее ужасов, которые поджидают рядом с воргом.

– Не бояться только дураки и гномы, – ответил я. –

– Почему?

Я пояснил:

– Если первые не способны от рождения соблюдать осторожность, то у вторых просто характер не позволяет.

– То есть, все же боишься, – заключила она.

От ее слов стало не по себе. И так стараюсь не думать об Абергуде, предпочитаю решать вопросы по мере их поступления. А тут все время на лапу наступают.

– Что кривить душой. Боюсь, – сознался я. – Ровно на столько, чтобы со страху вцепиться кому-нибудь в глотку и порвать к лешему. Ты бы лучше о себе подумала.

Девушка приблизилась еще на несколько шагов, теперь могу различать ее пульс.

– А что со мной не так? – спросила она и окончательно поравнялась.

Вот упертая. Увязалась, как щенок, втерлась в разговор и шагает. Вроде как уже вместе идем. Говорят, что рыжие хитрые, потому, что предками были лисы. Это ерунда – если так, остались бы оборотнями. Но хитрость у них точно есть. Даже нет, плутовство.

– С тобой может все так, – сказал я, – только болотным жителям на это плевать.

Она тихо вздохнула, но промолчала. Вообще-то, рассчитывал на словесную перепалку, может, наконец, обиделась бы, ушла. Но нет, идет смиренно, словно не особа королевских кровей, а послушная овечка.

Я хмыкнул. Умение вовремя промолчать – очень ценное умение. А женщины, в частности человеческие, редко обладают таким даром.

Ох, принцесса, далеко пойдешь.

Туман над Абергудом стал ближе, в носу защекотало от первых признаков влажности. Скоро воздух станет совсем промозглым. Мне без разницы – воровская кровь и лед растопит, а вот принцессе придется не сладко. Хотя кто знает, какие сюрпризы припрятаны под маской благочестия.

Постепенно небо затянулось серо-зелеными облаками. Старые ворги рассказывали о тучах над топями из-за зловонных испарений. Те под собственной тяжестью не могут никуда сдвинуться. Даже ветер едва способен всколыхнуть неподвижную массу.

– Как называть тебя? – спросил я, стряхивая с живота толстого жука, который сел прямо над пупком.

Краем глаза заметил, как покраснели щеки принцессы. Вероятно, ей непривычно вышагивать с полуголым хищником. Во дворце все иначе – наряды и манеры.

– Изабель, – сказала она и едва заметно повела на меня глазами.

Робеет, как пастушка перед конюхом, ей-богу. Вроде ни-

чего лишнего не говорю, веду себя естественно. Настроение у меня не очень, с тех пор, как попал в яму к нежити, но вполне приличное.

– Хорошее имя. Подходит для принцессы, – сообщил я. – Меня можешь звать Лотером, но обычно достаточно просто – ворг.

Примерно через сотню шагов показались первые признаки болот. Небольшие лужицы с темной водой, зеленые кочки с кустиками болотной ягоды, кажется – брусники. Над ними кружатся темные тучки.

Комары. Отвратительные создания. С самого детства невлюбил, такие маленькие, а неприятностей, как от енотов. Только тех напугать можно, изловить, а комаров, сколько ни бей, меньше не становится. И ладно когда один, но здесь тучи. Впрочем, если перекинуться, стану им не интересен. А вот Изабель придется не сладко.

Я нервно хмыкнул. Принцесса увязалась за мной, знает, что иду в Абергуд, а все равно идет.

Шагает рядом, вся смиренная и послушная, даже голову не поворачивает. В экипаже совсем иначе себя вела, возмущалась и топала ножкой. Поди разбери этих принцесс.

Небо окончательно скрылось в зеленоватом тумане, сгустился мрак. Лужицы пошли шире, местами превращаясь в затянутые травой пяточки. Раньше не бывал на болотах, а старые ворги говорили – главное правило в Абергудских топях – не ходить в Абергудские топи.

Когда почва под ногами стала проседать, пришлось остановиться.

– Значит так, Изабель, – начал я сурово. – Ты вот что должна понять.

Девушка развернулась ко мне всем корпусом и смотрит круглыми глазами. Пушистые ресницы изредка хлопают, во взгляде такая покорность, что даже неловко. Стараясь не смотреть на нее ниже шеи, продолжил чуть мягче:

– Место, куда иду очень опасное. Сам не понимаю, как решился. Ты можешь погибнуть. На воров, и без того, знать ополчилась. Если еще из-за меня умрет королевская дочь – будет совсем плохо. Пока не поздно, разворачивайся и иди обратно. Если повезет – кто-нибудь подберет, доставит куда надо, получит свою награду за спасение, ну и все, как полагается. Не знаю, что от тебя хотела нежить, но не станет она тебя убивать, это точно.

Изабель несколько мгновений молча смотрела на меня васькиными глазами. От влажности рыжие волосы покрылись мелкими капельками. Если б туман не скрывал солнце – сверкали бы, как драгоценные камни. Сейчас же когна кажется поддернутой матовым свечением, но скоро это закончится. Они окончательно намокнут и повиснут сосульками.

– Я пойду с тобой, – просто сказала она.

В голове взорвалось, я не удержался и крикнул так, что из ближайшего куста выпорхнула перепелка:

– Не понимаешь?! Я не могу тебя защитить, и, не то

чтобы, хочу! Здесь Абергуд, топь, неизвестная опасность, смерть, в конце концов. Ты будешь мешать, в итоге оба сгинем в трясине. У меня времени – без малого сутки.

От гнева вздыбился загривок, клыки удлинились на полногтя, пульс участился, еще не много и озверюсь. Невозможная прилипала, хоть и красивая. Как объяснить женщине, что со мной опасней, чем без меня?

Она тихо вздохнула и опустила голову. Намокающие локонны упали в вырез платья. Я постарался не смотреть, но звериные повадки не удержать – взгляд все равно съехал в декольте.

– Лотер, – произнесла она кротко. – Я не могу вернуться в замок.

– Чего это?

– Отец нарочно отправил меня подальше, – проговорила принцесса. – Там часто бывает Ильва со своими подопечными. Он боялся за меня. Я – его единственная отрада. Знаешь, на что он пошел, ради спасения моей жизни?

Я буркнул:

– Знаю.

По лицу принцессы скользнула тень, она опустила виноватый взгляд и сказала:

– Королева нежити держит его на коротком поводке. Манипулирует, как хочет.

Внутри неожиданно ухнуло, дыхание участилось, как перед дракой, наверное, и глаза светятся. Опять ощущение

слежки. И во рту привкус гнилой.

Я сделал несколько глубоких вдохов и покосился на принцессу. Странно, что не испугалась. Обычно человеческие женщины с криками бросаются в рассыпную, когда видят красноглазого ворга. Мне – плевать, одиночкам никто не нужен. Но выдержка принцессы вызывает уважение.

– Что ж он отправил тебя из дворца в сопровождении только гвардейца и возничего? – зло спросил я и оглянулся в поисках источника беспокойства. Но вокруг лишь болото и кусты клюквы.

Она покачала головой.

– Нет, была еще кавалерия и пешие гвардейцы. Они погибли, когда нежить напала в первый раз. Гвардейцы остались биться, а сэръ Гренлик поехал со мной. Но мы не ожидали повторной атаки.

Изабель печально вздохнула, в уголках глаз собралась влага, но она удержалась и продолжила:

– Отцу с огромными усилиями удалось выкупить у ихтионов несколько гротов, чтобы спрятать меня.

– Ничего себе, – присвистнул я.

Она кивнула и сказала еще печальней:

– Морской народ не любит людей, так что стоило это немало. Король не хочет, чтобы Ильва с помощью меня помыкала им и творила, что вздумается.

– Раньше надо было думать, – фыркнул я, – когда шел на сделку с королевой нежити.

И тут же прикусил язык, вспомнив, что причина сделки стоит передо мной, хлюпая носом. Девушка прекрасно понимает – если бы не болезнь и горячая отцовская любовь, Центральные земли и Восточный край были бы в безопасности.

Зеленый светлячок прожужжал над головой принцессы и, после двух кругов, опустился на плечо. Она вздрогнула и быстро смахнула жука. Тот поднялся и с недовольным гудением скрылся в тумане.

– Я знаю, – смиренно проговорила она. – Все из-за меня. Но сейчас уже ничего не поделать. Нельзя, чтобы Ильва получила окончательную власть над королем и королевством. Лучше сгинуть в Абергуде. Тогда отец сможет разорвать союз с королевой нежити и все будет как раньше.

Мой гнев немного утих. Я смотрел на королевскую дочь и думал – она сейчас серьезно или просто пытается разжалобить, чтобы взял с собой?

Несколько секунд присматривался к кукольному личику – взгляд серьезный и обреченный. Она правда готова умереть!

– Ну, ты чего, – сказал я озадаченно. – Вряд ли твой бабюшка будет счастлив узнать, что все его усилия пали крахом. Он многим пожертвовал, вон, воров предал.

В голове мелькнуло – сейчас она точно меня разжалобит. Эх, прости отец, не прошел я инициацию суровостью. Ни в первый, ни теперь во второй раз. Тогда, на холме не смог оставить слабого волчонка. Забрал. Месяц потом ругали, что из-за меня дармоеда приходится кормить. Слабых в стае не

держат.

Пока я думал, Изабель на ходу начала возиться с завязками корсета. Наконец, верхние узлы разошлись. Я оторопело уставился на нее. Оно конечно приятно, но не среди болота же. Хотя...

Она не стала расшнуровывать до конца, но этого хватило, чтобы я увидел причину. В середине грудной клетки между двух полусфер светится зеленоватый камень размером с орех. В самом центре пульсирует яркая точка, в стороны расходятся прерывистые волны.

– Благодаря этому я жива, – сказала Изабель, зашнуровываясь. – Ильва вдохнула в меня новую жизнь уже поле того, как дух покинул тело. Если камень вынуть, я тут же погибну.

Я отшатнулся, едва не свалившись в лужу, и спросил:

– Ты нежить?

Изабель покачала головой.

– Нет, – ответила она. – Я человек во всех смыслах. Чтобы оставить мне волю, Ильве пришлось вложить в камень часть своей души, если она у нее есть. Потому так важно, чтобы я все время была рядом, под контролем. Если Центральные земли полностью перейдут в ее владения, она сможет забрать камень. Но король все еще могуч, а без меня влияние на него значительно ослабевает.

От дворцовых заморочек и интриг закружилась голова. Почему люди не могут жить просто? Обязательно нужно выдумывать проблемы, решать их. Ильва не очень-то человек,

но ведет себя еще хуже, чтоб ей вечно гнить в склепах.

Хотел сказать что-нибудь ободряющее, но вопрос вылетел раньше, чем успел все обдумать.

– Если так рвешься умереть, чего просто не выколупаешь камень? – спросил я и тут же пожалел.

Губы Изабель задрожали, влага в глазах, наконец, прорвала невидимую пленку и заструилась по белоснежным щекам. Грудь заходила ходуном, плечи затряслись, она рыдала молча. От этого стало жутко.

Однажды видел смертника, который шел на костер. У него были такие же остекленевшие глаза и обреченный вид. Когда смертник взошел на помост, толпа взревела, но он не обратил внимания. Стоял, рядом со столбом, и смотрел в никуда. Думал, начнет кричать, когда зажгут огонь, но он молчал, даже когда лицо скрылось в пламени.

Губы принцессы побелели, она прерывисто выдохнула и проговорила дрожащим от истерики голосом:

– Я не могу убить себя.

Абсурдность ситуации окончательно меня выбила из равновесия. Даже мелькнула мысль, что со мной отправились в надежде покончить со всем.

Я зарычал и лязгнул челюстью, принцесса рядом вздрогнула, взгляд стал испуганным.

– Прекрасные принцессы не должны погибать ни от рук королевы нежити, ни в Абергудских топях, ни где-то еще, – глухо проговорил я.

– Но Ильва... – попыталась вставить она.

Я оборвал.

– Они должны становиться женами королей соседних земель, скреплять союзы и жить долго и счастливо. А это какой-то кошмар маленькой девочки.

На несколько минут воцарилась тишина. Только слышно, как чавкает под ногами болотная грязь и утробно кричит выпь.

– Так, – сказал я, собираясь с мыслями. – Умирать тебе не обязательно. В конце концов, Ильва дала тебе вторую жизнь, пусть из корыстных соображений.

Взгляд Изабель все еще стеклянный, будто не слышит, что говорю. Боги, дайте сил не прибить ее.

Туман стал плотнее, животное чуть шевельнулось в недобром предчувствии. Обоняние тут бесполезно – влажность такая, что из носа течет, но слух улавливает странные шорохи и чмоканье.

– Мы вот как поступим, – сказал я, разворачиваясь в сторону болот, – ты идешь со мной. Дадут боги, выживем оба, а нет, и разговаривать нечего. Иди за мной след в след, но ближе чем на четыре шага не подходи.

Лицо принцессы понемногу стало принимать нормальное выражение, губы порозовели, даже на щеках выступил небольшой румянец. Она быстро дошнуровала корсет и откинула назад влажные волосы. От сырости нежная кожа на плечах пошла мелкими пупырышками.

Я выругался на себя не понятно почему. У воров температура тела выше, чем у людей, даже на снегу могу спать. Девчонка замерзнет, простынет тут. А у меня даже рубахи нет, чтоб на плечи накинуть.

– Ты как себя чувствуешь? – спросил я на всякий случай.

– Лучше, чем когда-либо, – соврала она и выпрямила спину на всякий случай.

Я покачал головой. Не представляю, как тащиться через болота с таким спутником. Видимо это кара богов за нарушение законов стаи, и вообще, всех законов.

– Ладно, идем, – сказал я и осторожно двинулся по проседающей земле.

Снова повисло молчание. Иду, стараясь выбирать кочки понадежнее, но получается не всегда. Чаще выходит наоборот – места, что выглядят сухими, с хлопаньем проваливаются под ногами. Приходится цепляться за одинокие деревья, которые тоже иногда не слишком крепкие. Пару раз молодые березки выворачивались вместе с кочкой.

Наконец понял – нужно передвигаться равномерно, без рывков. Тогда ноги не так сильно вбиваются в торфяные лужи, их легче вытаскивать.

Изабель идет сзади, иногда слышно, как постанывает, чавкает грязью, но не отстает. Периодически приходится оглядываться, она, конечно смелая и не жалуется, но откуда я знаю – может, принцессы вообще не жалуется.

Нога в очередной раз ушла по колено, в пятку ткнулось

что-то твердое и колючее, я торопливо потянул вверх, стараясь держать вес тела по центру. Если слишком подаваться вперед – нога идет на излом.

– Дрянь какая... – прорычал я, отрывая от бока жирную пиявку.

Не знаю, когда та успела присосаться, но бока раздулись, блестят и перекатываются. Уже напилась крови, но продолжает жрать.

Я с брезгливостью швырнул прилипалу в болото, та с тихим бульканьем скрылась в темной воде.

Через некоторое время показалась небольшая полянка. Во всяком случае, похожа. Поверхность затянута зеленым ковром, в тумане торчат редкие кустики с белыми цветами на длинных ножках. Издалека кажутся пушистыми, наверное, от влаги.

По бокам узкие дорожки с черной водой. Ручейки ветвятся между кочек и сливаются в центральное русло шириной не больше одного прыжка.

Я решил, надо добраться до полянки и передохнуть немного. По болоту все равно быстро передвигаться не получается. А платить жизнью за скорость не хочется.

Стараясь держаться кочек, я двинулся в сторону твердой земли. Кочки тоже с сюрпризами – если сами более-менее надежны, то вода рядом глубже раза в два. Если соскользнуть – уходишь по самый пояс. Благо рядом деревья и есть за что схватиться.

Только хотел совершить рискованный прыжок, как сзади послышалось жалобное:

– Лотер!

Я резко обернулся.

Половина Изабель торчит из заросшей топи, платье надулось вокруг громадным пузырем. Рыжая копна торчит, как фонарь, в глазах паника и бессилие.

Она начала барахтаться и махать руками, погружаясь все глубже.

– Не двигайся! – крикнул я и кинулся к ней.

Все произошло моментально. Я оказался рядом с Изабель в тот самый момент, когда из воды осталась торчать одна голова.

– Замри, не дергайся! – приказал я. – Так еще быстрее затянет.

Принцесса застыла с немигающими от ужаса глазами. В них снова мелькнула обреченность и смирение.

– Даже не думай, – пригрозил я и стал лихорадочно сообщать, как вытащить, если даже подцепить не чем.

На глаза попалась длинная изогнутая ветка, торчащая прямо из кочки. Я одним рывком выдрал, оказалось – молодое дерево с широкими мочалистыми корнями. Осторожно, стараясь не задеть хрупкое тело принцессы, опустил верхний конец в трясины.

– Можешь рукой достать? – спросил я.

Голова девушки стала запрокидываться, лицо застыло над

водой, как погребальная маска.

– Я тону, – леденящим голосом прошептала она.

– Ты можешь схватиться или нет?– выкрикнул я в бес-
сильной злобе.

Повисла небольшая тишина, в который слышно лишь как
лопаются непонятный пузыри на болоте, что-то капает и чав-
кает. Наконец, ощутил дерганье за ветку.

– Ну, неужели, – выдохнул я и осторожно потянул на себя.

Тащил одной рукой, другой пришлось держаться за ствол
березы. Из топи показалась грязная от торфа рука, затем
плечи. Спустя вечность я вытащил ее из трясины и усадил
на кочку рядом с собой.

Одежда Изабель оказалась безвозвратно испорчена, не
представляю, как в таком идти через Абергуд.

Девушка молчит, иногда постукивая зубами от холода.
Волосы превратились в сосульки, с них стекают ручейки и
промывают дорожки на испачканном торфом платье.

Я еще раз пожалел, что не могу дать ничего накинуть, ну
разве что штаны снять. В таком случае, ей придется идти от
меня на приличном расстоянии, а это совсем не годится.

– Жива? – спросил я, чтобы хоть что-то спросить.

Она подняла на меня испуганные глаза и пролепетала
бледными губами:

– Насколько это возможно.

Я хмыкнул. Ишь, даже шутить пытается. Значит, быстро
оклемается.

Поднявшись, протянул ей руку и спросил:

– Доползешь до той полянки?

Она скорбно посмотрела в сторону зеленого ковра, который лежит сразу за двумя широкими топями с кучей мелких кочек.

– Куда я денусь, – вздохнула она и вложила пальцы в ладонь.

На удивление кожа оказалась теплой. Мне казалось, раз она возрождена Ильвой, то должна быть холодной, как мертвяк. Но Изабель пышет жизнью, если не считать смиренного выражения лица и готовности умереть ради спасения королевства.

Я дернул на себя. Принцесса не ожидала такой силы, хрупкое тельце взлетело как пушинка и упало мне в руки.

Даже сквозь торфяную грязь и болотные испарения почувствовал приятный запах ее тела. Она на секунду замерла, губы снова порозовели. Пришлось отстраниться, а то мало ли что. Давно не был в таверне, где есть дом с багровыми фонарями.

– Пойдем, принцесса, – сказал я отворачиваясь. – Разведем костер, просушим тебя.

Глава 7

Кое-как сквозь туман дотащил Изабель до относительно сухого места. Им оказалась огромная кочка, которая за длительное время превратилась в островок. На нее появились болотные цветы с белыми маковками, несколько кустиков клюквы и даже маленькая нора.

Вокруг по воде стелется зеленоватая дымка, коряги из нее торчат, как кривые пальцы, норовящие схватить и утащить на самое дно.

Мы буквально вползли на зеленый ковер. Я быстро отряхнулся по-волчьи и глянул на девушку.

Колени принцессы подкосились, она рухнул в траву, раскинув руки. Я не успел подхватить, Изабель не обиделась, или сделала вид. Мол, в походе все должны проявлять стойкость. Даже принцессы.

Сейчас она похожа на свинопаску, но никак не на придворную леди – платье в торфе, лицо забрызгано грязью, волосы висят темными сосульками. От былой рыжести не осталось следа.

Я не стал ее трогать, пусть полежит, придет в себя. Сам прошелся по пяточку суши, собрал немного веток. Все сырое, развести огонь в таком месте – целая наука. Немного подумав, бросил сырые ветки и наломал палочек со стоячих

деревьев. Эти хоть не пропитаны водой. Долго ковырялся с площадкой для костра – надо как-то сделать, чтобы влага от травы не просачивалась. На глаза попался небольшой трухлявый пенёк.

Вытащить его из податливой земли оказалось проще, чем тащить принцессу по болоту – корни почти не держат. Я перекатил его на возвышенность, когда очистил середину от трухи, появился терпкий смолянистый запах. Отлично, раз есть смола – значит, даже мокрым гореть будет.

Поставил ветки шалашиком. Вроде должен загореться, осталось только камешки подходящие найти.

Принцесса все еще лежит, раскинув руки, и тяжело дышит. В таком положении корсет чуть оттянулся, открывая белоснежное декольте. С каждым вдохом грудь высоко вздымается, как от бега.

Я хмыкнул и отвернулся. Красивая, ничего не скажешь. Беспомощная, но красивая. Из стаи ее бы все равно выгнали за слабость, а мне – жалко.

Над ней стала собираться тучка комаров, еще немного и начнут кусать.

– Ты бы встала с земли, – посоветовал я. – И так мокрая, еще и лежишь на сыром. Если простудишься, точно брошу.

Она вывернула голову и предано посмотрела на меня. Даже глаз с кошачьим зрачком выглядит честным. Ох уж этот взгляд. Специально ее, что ли, обучали так смотреть?

Я помахал рукой, показывая, мол, давай-давай, поднимай-

ся. Она со стоном перевернулась на живот. Под ней чавкнуло мокрое платье. С заметным усилием принцесса села на колени и уперлась ладонями в мох.

– Ощущения, что меня жевали тролли, – протянула она жалобно.

– Ты даже не представляешь, что такое тролли, – ответил я, скользя взглядом по островку. – Если встретишь, убегай. Они сильные, но не слишком проворные.

Изабель подползла коряге, к торчащей из травы, и с выдохом оперлась спиной.

– Похоже, знаешь, о чем говоришь, – произнесла она устало.

Я кивнул.

– Лучше бы не знал.

Пока принцесса приходила в себя, мне удалось найти подходящие камешки. Несколько минут безуспешно чиркал над деревянным шалашиком. Потом дошло – нужно что-то быстро воспламеняющееся.

Повертел головой, справа на дереве коричневым блином торчит гриб. Отлично, с помощью таких стая переносит огонь с места на место, чтоб не разводить по десять раз.

Ствол оказался гладким, как вымоченная кожа. Пришлось попотеть, прежде чем смог забраться наверх и сорвать с коры бурый нарост.

Спустя несколько минут стараний, из сухой сердцевины гриба появился дымок. Я облегченно выдохнул – не упал в

грязь мордой перед принцессой, думал совсем плохой стал, огонь не могу развести.

Я подложил тлеющую массу под шалашик, стараясь, чтобы сырой воздух не пустил мои старания насмарку. Наконец веточки зарделись желтыми языками.

– Подсаживайся ближе, – сказал я, оборачиваясь к принцессе. – Суши платье, в мокром далеко не уйдешь. И комары к костру не полетят. У тебя уже несколько красных точек на руке.

Она стала моститься у костерка, а я наломал еще веток. Для обогрева и сушки нужно много тепла.

Собрав достаточно хвороста, уселся рядом и стал подбрасывать топливо. Костер сразу оживился, пламя раздулось, приятный жар защекотал кожу. Вот оно счастье – дорога, огонь, свобода.

На мне штаны высохли еще раньше, от тепла тела. Принцессе же пришлось высунуть ноги из-под юбки, чтобы хоть как-то дать просохнуть тому, что намокло под ними. Судя по всему, слоев ткани немерено, иначе платье было бы не таким пышным. Я покачал головой – с человеческими женщинами сложно.

Она несколько минут, молча, перекладывала юбки. Набухшая ткань хлопает и чавкает. Трудностей добавляет то, что сидит на мокром, что вообще не хорошо.

Наконец, она поднялась, на щеках проступил яркий румянец. Я насторожился – видел я такое выражение, оно пред-

вещает, предвещает... Непонятно что.

– Платье плохо сохнет, – сказала она, еще больше смущаясь. – И нижние юбки с панталонами.

Я приподнял бровь. Такая откровенность от принцессы – явный перебор. Да что там, сама от себя не ожидала, стоит вся пунцовая, пальцы заламывает.

– От меня-то что хочешь? – спросил я, подозрительно прищурившись.

У Изабель даже уши стали цвета летнего заката. От такого одежда не то, что высохнуть – вспыхнуть должна. Вместе с волосами и травой вокруг.

– Ну, – сказала она и замялась.

– Давай, не томи, – поторопил я.

Принцесса потупила взгляд.

– Мне бы снять ее и развесить, – проговорила она тихо. – Верхнее, может, и высохнет от костра, но нижнее – нет. А оно важнее.

Несколько секунд я смотрел на Изабель, стараясь, чтобы мои мысли не отражались на лице. Принцесса замерла с круглыми глазами, губы крепко сжаты. Ни одна мышца на лице не дрогнула. Неужели правда верит мне? Чокнутая.

Спустя пару минут, удалось совладать с инстинктами, укрощению они поддались с огромным трудом. Боги, дайте сил.

Я прочистил горло и отвернулся, чтобы не смотреть на нее как на котлету из телячьей вырезки.

– Гм, – вырвалось у меня.

Откуда-то послышались уже знакомые чавкающие звуки. Пока лезли через топь, они приблизились, но, когда добрались до островка, развели костер – все стихло. Большинство тварей пугает тепло и огонь. Для болотных гадов тоже закономерно – существа, живущие с сырости и холоде, не могут любить пламя.

В который раз по заливку прокатилась неприятная волна, она подсказывает – надо ускориться. Ощущения, что в Абергудских топях лучше на одном месте не сидеть.

– Делай что хочешь, – выдохнул я, наконец. – Только поскорей.

Она начала было развязывать корсет, но спохватилась и отшагнула назад.

– Может, поставить какие-нибудь палки? – попросила она робко. – Я платье на них повешу. И потом отвернись.

Я закатил глаза, что за наказание. Сначала увязалась, теперь раздевается. Какой нормальный ворг при этом сохранит рассудок?

Едва соображая, я подскочил. Наугад воткнул несколько веток перед костром на достаточном расстоянии, чтобы высушить ткань, но не спалить. Даже перекладину сделал, чтоб мысли отвлечь.

Установив последнюю палку, я буквально перепрыгнул через кострище и уселся спиной к нему.

– Готово, – буркнул я под нос. – И давай шевелись. Долго

нельзя расслаживаться, место жуткое и времени мало.

Сзади послышалось шуршание. Я тяжело вздохнул. То, что сижу спиной, ничего не меняет. Обоняние у меня сейчас не волчье, конечно, да и слух слабее, но в три раза лучше человеческого. Картинка всплывает перед глазами почти, как если бы видел воочию.

Слышу, как возится с завязками, вот, справилась с корсетом, но сразу не сняла. Перешла к верхним юбкам, тоже клепки какие-то, бантики.

В воздухе растекся приятный, чуть сладковатый запах ее тела. Значит, уже вылезла из юбок. Раздался тихий скрип – стянула корсет. Я скрипнул зубами, надо держать себя в руках. Это просто человеческая девушка, просто инстинкты, просто... Фу, ты черт, точно пора в таверны Межземья.

По звукам понял – развесила вещи по перекладинам и усе-лась на корягу.

– Я закончила, – раздался робкий голос из-за спины.

– Поздравляю, – ответил я хрипло.

– Можешь поворачиваться, – разрешила Изабель. – Пла-тье висит как ширма, меня не видно.

– Какое счастье, – ответил я и обернулся.

Юбки, и правда, развешены таким образом, что полно-стью скрыли принцессу. Только ноги выставила к костру из-под ткани. От костра пятки кажутся розовее обычного, та-кие ножки никогда не наступали ни на что грубее дворцово-го ковра. Рядом на вертикальных прутьях замерли панталю-

ны и корсет. Из-за каркаса он стоит, как флаг.

Я тяжело втянул воздух, улавливая не только манящий запах Изабель, но и совершенно чужой и тревожный. Опять чувство преследования. Какая-то дрянь околачивается вокруг островка, это к ведьме не ходи.

Внутри шевельнулась тревога, я хищно зыркнул на покрытую ряской воду. Намерения у твари не слишком добрые. Существо, которое пахнет мертвячиной и гнилью не может нести светлое и вечное. Хотя, вечное, наверное, как раз может.

Во рту снова появился трупный привкус, я раздраженно лязгнул челюстью – не люблю, когда изменения происходят без моего ведома.

Принцесса потерла стопу о стопу, из-под ткани показались пальцы. Она быстро ощупала юбки.

– Как быстро подсыхает, – удивилась она. – Надеюсь, панталоны тоже. В мокрых очень неприятно.

– Еще бы, – согласился я, отворачиваясь. – Думаю, тебе вообще придется отказаться от некоторых деталей одежды.

Из-за юбки-ширмы донесся вздох удивления.

– Ты предлагаешь идти без платья? – изумилась принцесса.

Совсем рядом в зарослях камыша раздалось бульканье, я поднялся и настороженно всмотрелся в туман. Без толку – дымка окружает островок, как молоко. Загривок встал дыбом, из глотки произвольно вырвался рык.

– Что случилось? – спросила она испугано.

– Не знаю, – ответил я и с силой шарахнулся головой о ствол березы.

Не придумал ничего лучше, чем перекинуться в волка. Болотных хищников не знаю, а в не хищника превращаться опасно.

В голову ворвались звуки и запахи. Шорохи, бульканье, чмокание, все это рядом – под водой, в кочках, внутри гнилых стволов. Не понятно только, что за звери так шумят.

Я осторожно перепрыгнул на холмик возле с островка. Затормозив передними лапами, опустил голову и принялся.

В камышах перестало чавкать, похоже, существо догадалось, что раскрыто. Вода пошла мелкой рябью, будто кто-то поплыл от берега. Тьфу ты пропасть! Надо было хватать.

В глотке заклокотало от гнева, не люблю, когда добыча убегает. Но что-то подсказывает – мы еще встретимся. Видать, волчий облик напугал тварь, звериная харя всех пугает.

Вернувшись на островок, обнаружил Изабель сидящей в панталонах и корсете прямо у костра. На землю под себя подложила небольшое бревнышко, руки обнимают колени, голова смиренно лежит сверху. Пришлось быстро натянуть штаны, пока она не увидела и не залилась своим подкупающим румянцем.

Принцесса беззащитная, а ворги не любят слабых. Если тело никудышнее, значит и потомство будет хилым, в этом с гоблинами у нас согласие. А у меня неправильная тяга за-

щищать немощных, хотя борюсь с этим всеми силами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.